

ТРОЦКИЙ

«ДЕМОН РЕВОЛЮЦИИ»

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

Дмитрий Волкогонов

Троцкий. «Демон революции»

«Яуза»

УДК 94(47) Троцкий Л.
ББК 63.3(2)6-8 Троцкий Л.

Волкогонов Д. А.

Троцкий. «Демон революции» / Д. А. Волкогонов — «Яуза»,

ISBN 978-5-9955-0968-4

Его прославляли как «пламенного революционера», «вождя Красной Армии» и «пророка коммунизма». Его проклинают как палача России, вдохновителя Красного Трора и «демона революции». Один из организаторов Октябрьского переворота, Председатель Реввоенсовета Республики, наркомвоенмор, ближайший соратник Ленина, в годы Гражданской войны считавшийся его главным наследником, Троцкий дрался за свои убеждения фанатично и беспощадно и бредил «мировой революцией» до конца дней. Даже проиграв борьбу за власть Сталину, изгнанный из СССР (где слово «троцкизм» стало не просто самым страшным ругательством, а смертным приговором), «демон революции» не смирился с поражением, не струсил, не замолчал, продолжая клеймить Сталина до самой своей гибели от руки агента НКВД, – и уже с проломленной ледорубом головой успел вцепиться в убийцу зубами, не позволив тому скрыться. Эта сенсационная книга, прорвавшая заговор молчания вокруг имени Троцкого, до сих пор остается его лучшей биографией. Будучи лично знаком с чекистами, осуществившими его ликвидацию, первым получив доступ к сверхсекретной агентурной переписке сотрудников НКВД, внедренных в окружение Троцкого, Дмитрий Волкогонов рассказал всю правду о яркой жизни и страшной смерти главного врага Сталина.

УДК 94(47) Троцкий Л.
ББК 63.3(2)6-8 Троцкий Л.

ISBN 978-5-9955-0968-4

© Волкогонов Д. А.

© Яуза

Содержание

Вместо введения	6
Книга 1	16
Глава 1	16
Семья Бронштейнов	17
Революционная тропа	21
«Проходное свидетельство	28
Европейский «бивуак»	30
Парадокс Троцкого	38
«Прапорщик Арбузов»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Волкогонов Троцкий. «Демон революции»

Бесспорно, Л. Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ...

Н. Бердяев

Вместо введения Судьба революционера

Личная судьба есть и у Л. Троцкого, и он напрасно хочет скрыть ее горечь.

Н. Бердяев

...Бронированный поезд шел к Киеву. Тяжело гроыхая на стыках рельсов и на стрелках у редких станций, он мчался в ночи к украинской столице. В одном из вагонов в середине состава не спали. В просторном салоне было несколько кожаных кресел, такой же диван, продолговатый стол в центре и небольшой, с телефонными аппаратами на нем, – в углу. У бронированной щели окна стоял человек среднего роста, с бородкой, усами, в расстегнутом френче и сапогах. Над высоким, большим лбом вздымалась пышная шевелюра, уже слегка тронутая заморозками седины. Характерный римский нос оседлало изящное пенсне, за стеклами которого поблескивали живые ярко-голубые глаза. Человек вглядывался в черноту ночи, тщетно надеясь увидеть признаки жилья. Огромная, растерзанная страна лежала не только в руинах, но и в сплошном мраке. Шел 1919 год...

За столом с пером в руке сидел молодой человек во фланелевой солдатской рубашке. Рядом лежали телеграммы из 3-й и 5-й армий Восточного фронта, наступавших на Tobол. Южная группировка фронта успешно продвигалась в направлении Туркестана. Скупые строки донесений подтверждали: с адмиралом Колчаком скоро будет покончено. Путь на восток будет свободен. Но не эти вопросы занимали находящегося в салоне человека. Секретарь быстро записывал фразы: «Крушение Венгерской республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами Черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте, меняют в значительной мере нашу международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что вчера еще стояло на втором...» Помолчав и выразительно взглянув на секретаря, он продолжил: «Иным представляется положение, если мы станем лицом к востоку...» Фразы текли из уст уверенного в себе человека, который, казалось, был способен сквозь полог летней ночи видеть далеко за горизонтом: «Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выживания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским направлениям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может наша армия, которая на европейских весах сейчас еще не имеет крупного значения...»

Уверенно балансируя на полу грохочущего вагона, человек во френче перешел в центр салона и сел в кресло.

– Добавьте к последней фразе: «...разумеется, операции на востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале. Вся ту рабочую силу, которую мы собирались тратить на рабочие поселения в Донской области, необходимо сосредоточить на Урале. Туда нужно направить лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов...»

Загораясь от грандиозного плана, человек в пенсне не останавливаясь говорил, говорил: «...нужно туда направить лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне по независящим причинам от работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для Советской революции Сибирь...»

– Лев Давидович, помедленнее, я не успеваю, – поднял голову на диктующего секретаря с умными, усталыми глазами.

– Ну что ж, помедленнее – так помедленнее...

Диктовка «Записки в ЦК РКП» продолжалась. Ее автор не просто высказывал общую потрясающую стратегическую идею революции, но и максимально ее конкретизировал: нужно создать «конный корпус (30 000–40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию». Грандиозность замысла поражала воображение самого творца: «Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж Советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее Исполкома III Интернационала... Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации...»

– Все? – вопросительно посмотрел на диктующего секретаря.

– Нет. Добавьте: «Настоящий доклад имеет своей задачей привлечь внимание ЦК к подянтому вопросу». Вот сейчас – все. Поставьте подпись: «Лев Троцкий, 5 августа 1919 г.»{1}.

Диктовал «Записку в ЦК РКП» Председатель Реввоенсовета Республики, наркомвоенмор, член Политбюро Лев Давидович Троцкий. Записывал его верный секретарь Николай Сермукс. За свою жизнь Троцкий написал и продиктовал около 30 тысяч документов, подавляющее большинство которых сохранилось в самых различных архивах. Фрагменты «Записки», которые я привел выше, как и большинство других документов, ярко характеризуют эту незаурядную личность.

Почти все, что написал или сказал Троцкий, связано с русской и мировой революцией. Он был ее певец и оракул. «Нужно использовать этот момент... и создать политический и военный штаб азиатской революции». Такие люди – русские якобинцы – считали нормальным, естественным и обязательным вызывать революцию и «пришпоривать» ее. Троцкий предлагает партии новую стратегию Республики – «стать лицом к востоку», ибо «путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии...». Он говорит о необходимости подготовки конного корпуса численностью в 30–40 тысяч человек, для того чтобы «бросить его на Индию», и это в то время, когда весь запад и юг России в огне. И Троцкий это знает. Знает также, что Индия – «уязвимое место» английского империализма. 5 августа он предлагает «сделать ареной восстаний Азию», а на другой день по прямому проводу сообщает Председателю Совнаркома В.И. Ленину о критической ситуации на юге и требует созыва Политбюро ЦК, чтобы одобрить меры, предлагаемые Реввоенсоветом Республики, по преодолению «грозной опасности»{2}.

Даже оказавшись в почти безвыходной ситуации, загнанный в бетонную ловушку Койоакана, этот человек все равно будет бредить «мировой революцией». По революционной тропе,

оставившей глубокие шрамы на Земле, прошли тысячи, миллионы людей. Следы подавляющего большинства стерты временем и исчезли навсегда. О Троцком же сегодня спорят и говорят, как и 70 лет назад. Говорят с ненавистью и почитанием, злобой и восхищением. Человек необычной судьбы никого не оставляет равнодушным. Не предвосхищая того, что будет сказано в книге, хотел бы определенно заявить в самом ее начале: портрет Льва Троцкого нельзя написать ни голубым, ни черным цветом. Для изображения этого удаленного от нас временем профиля нужен весь богатый спектр красок. Эволюция общественных оценок известнейшего революционного деятеля, подобно маятнику, описала полную дугу: от восторженного прославления великого вождя мировой революции до предания его анафеме, и наконец она приходит к спокойному и объективному восприятию яркой, сложной и неоднозначной личности, которая заняла свое место в галерее исторических портретов.

Судите сами, вот лишь некоторые оценки, отражающие вехи судьбы революционера, которые были высказаны в разное время.

«Пролетарский поэт» из Новгорода Н.В. Зарницын в феврале 1922 года шлет в московские газеты и Троцкому, «вождю Красной Армии и мировой революции», стихи:

В твоей душе, как в огневой стихии,
И бури стон, и ярых волн разгул.
Ты – пролетарский сын разгневанной России,
В твоих словах Коммуны слышен гул.

В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке и Берлине,
Во всех столицах речь твоя слышна.
Но ярче звук ее в твоей родной долине,
Где революция багряна и пышна!{3}

Подобные вирши, статьи и заметки в центральных, красноармейских и зарубежных газетах (а их было много) отражали восхищение многих людей «вождем революции».

Вероятно, первой биографической книгой о русском революционере стала работа Г.А. Зива, его старого школьного товарища, который уже в 1921 году в Нью-Йорке выпустил небольшую книгу «Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям)»{4}. Были и официальные биографии. По постановлению ЦК (в мае 1924 г.) была подготовлена биография «Бронштейна (Троцкого) Льва Давидовича, с кличками «Львов», «Н. Троцкий», «Яновский», литературными псевдонимами «Антид Ото», «Тахоцкий», «Неофит» и другими». Пятистраничный официоз сопровождается партийной справкой: «Биография тов. Троцкого и перечень его литературных работ составлены тов. Бошем по поручению Истпарта (отдела ЦК по изучению истории партии и Октябрьской революции. – Д.В.) и предназначены для хранения в Истпарте в Секретном отделе, откуда они будут выдаваться научным работникам»{5}.

Эти первые биографии достаточно спокойны и поверхностны. В них схвачены лишь внешние факты жизни Троцкого, но скрыто главное в портрете революционера: одержимый ложной идеей мощный интеллект.

Через полтора десятилетия образ Троцкого предстанет уже зловещим, кровавым, отвратительным, особенно в официальных документах. В докладе И.В. Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) троцкисты, как и сам «главарь» течения Троцкий, характеризуются как «оголтелая банда вредителей, шпионов и убийц»{6}. В советской печати тех лет Троцкий изображался как средоточие всех зол и пороков – от шпиона до растлителя душ. Столько хулы, сколько за последние полвека выпало на долю Троцкого, думаю, не доставалось никому.

Постепенно эта мгла хулы рассеивается. Неудивительно: вместо старых мифов и нелепостей появляются новые, вроде тех, что Троцкий был кровожадным маньяком, человеком, жаждавшим только личной власти, что он во всем был предтечей Сталина.

Прошло немало лет, прежде чем о Троцком заговорили объективно – как о личности, которая символизирует не только радикализм коммунистической Идеи, ее бескомпромиссность и утопичность, но и трагедию реализации большевистских программ. Троцкий стоял у истоков создания Советского государства, был одним из главных архитекторов советской тоталитарной бюрократической системы, которая сейчас столь болезненно демонтируется в гигантской стране.

Судьбе было угодно так распорядиться, что Троцкий смог синтезировать в себе непоколебимую веру в коммунистические идеалы и преступную беспощадность пролетарской диктатуры, смог стать одним из вдохновителей красного террора и его жертвой. Думаю, что Троцкий – уникальный индивидуум в том смысле, что соединил в себе как некоторые привлекательные черты русских революционеров, так и крайне отталкивающие, те, что характеризуют большевизм.

Еще на рассвете века Троцкий прочел провидческие строки неукротимого бунтаря Кропоткина: «Каждый революционер мечтает о диктатуре, будет ли это «диктатура пролетариата», т.е. вождей, как говорил Маркс, или диктатура революционного штаба, как утверждают бланкисты... Все мечтают о революции как о возможности легального уничтожения своих врагов при помощи революционных трибуналов... Все мечтают о завоевании власти, о создании всесильного, всемогущего, всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников... Все революционеры мечтают о «комитете общественного спасения», целью которого является устранение всякого, кто осмелится думать не так, как думают лица, стоящие во главе власти... Наконец, все мечтают о том, чтобы ограничить проявления инициативы личности и самого народа... чтобы народ избрал своих вождей, которые и будут думать за него и составлять законы от его имени... Вот тайная мечта 99 процентов из тех, кто называет себя революционерами» {7}. В книге Кропоткина из библиотеки Троцкого, составленной для него А. Бутовым, этот большой кусок текста подчеркнут, а на полях стоит вопросительный знак. Возможно, сия мета сделана Троцким. Но поразительно, что он и его сотоварищи по большевистскому руководству, осуждая на словах умозаключения, подобные кропоткинским, последовательно действовали в соответствии с этой методологией.

Задумав написать триптих «Вожди», а конкретнее – три политических портрета: Ленина, Троцкого, Сталина, я понимал, что эти три человека исторически дополнили друг друга. Ленин выступил в русской революционной истории в роли *вдохновителя*, Троцкий – *возмутителя*, а Сталин – *исполнителя*. Сквозь призму судеб этих личностей чрезвычайно рельефно видны коллизии, зигзаги и трагедия русской, да и всей советской истории. Представляется, что в данном случае биографический метод оказывается особенно эффективным, позволяя через личностную ткань человеческого бытия всесторонне рассмотреть целый исторический слой времени.

Согласно Плутарху, Провидение предопределяет судьбу каждого человека. Деяния людей, по разумению древнего мыслителя, «находятся под надзором и руководством демонов или гениев». Похоже, что божий промысел повелел так, чтобы Рок, как непреложный закон судьбы Троцкого, испрашивал совета как у «гениев, так и у демонов». Может быть, поэтому Лев Давидович, один из «выдающихся вождей», как назвал Ленин (который тоже считался бесспорным вождем) Сталина и Троцкого, сочетал в себе масштабный острый интеллект и приверженность революционному насилию, способность к поразительным пророчествам и упорство в роковых заблуждениях.

Судьба Троцкого по самым требовательным меркам необычна. Она и сегодня волнует, тревожит, потрясает. Троцкий был рано замечен и обласкан славой и известностью. Ему довелось спорить, восхищаться, общаться с выдающимися людьми своей эпохи: Каутским, Плехановым, Адлером, Парвусом, Мартовым, Даном, Аксельродом, Лениным, Фрунзе, Бухариным, Каменевым, другими крупными личностями, оставившими свой долго не теряющийся след на пыльных ступенях пирамиды исторического прогресса.

Троцкий пережил много триумфов. Почти как Божественный Юлий. А может, и больше. Как писал Гай Светоний, «первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним – александрийский, затем – понтийский, следующий – африканский и, наконец, – испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством». Самый крупный триумф Троцкого был в октябре 1917 года. Революционер, похоже, привык к победам, казалось, что так будет долго, если не всегда. Но уже вскоре после окончания Гражданской войны Троцкий почувствовал себя едва ли не лишним в повседневности начавшихся серых будней. Все говорило: этот человек был как бы создан для переломов, взрывов, крушений, пожаров, для межконтинентальной славы. Но мировая революция «споткнулась». Даже «азиатская» не получилась. Начались трагедии, которых выпало на долю Троцкого так много, как будто они предназначались целому революционному легиону.

Лишение всех постов, ссылка, депортация, скитания по планете в надежде найти спасение от сталинских агентов сопровождались насильственной смертью почти всех родных и близких, множества соратников. С клеймом «троцкист» погибали не только действительные соратники и сторонники Троцкого, но и миллионы его соотечественников, лишь заподозренных в какой-то нелояльности диктаторскому режиму. Учитывая, сколь масштабная сталинская охота шла на него, удивительно, что сам Троцкий смог прожить после депортации еще целое десятилетие. За два месяца до своей трагической гибели он написал: «Я могу сказать, что живу на земле не в порядке правила, а в порядке исключения»{8}. Судьба этого революционера – феерический, стремительный взлет на гребень всемирной славы и долгая-долгая драма борьбы, разочарований, надежд, закончившаяся последней трагедией в Мексике.

Правда, сам Троцкий, всегда смотревшийся в зеркало истории, не считал свою жизнь трагической. Во всяком случае, находясь на Принкипо в 1930 году.

Ну а как же насчет вашей личной судьбы? – слышу я вопрос, – пишет революционер, в котором любопытство сочетается с иронией... Я не меряю исторического процесса метром личной судьбы... Я не знаю *личной* трагедии. Я знаю смену двух глав революции{9}.

Позволю себе не согласиться с Львом Давидовичем. Просто Троцкий, будучи крупной исторической личностью, умел достойно проигрывать и не утрачивать надежды. Он рано понял, что для истории его поражение, возможно, будет выглядеть достойнее иной победы.

Троцкий написал множество очерков, статей, книг, «политических силуэтов», эссе, манифестов, заметок, репортажей. Для своих биографов он оставил богатейшее по объему и разноплановости наследие. Как вспоминала Наталья Седова-Троцкая, в планы ее мужа входило написать еще ряд крупных книг. Но «повседневные события... отодвигали эти работы на второй план. Труд о Сталине ему был навязан посторонними обстоятельствами: материальной необходимостью и его издателем. Лев Давидович не раз хотел написать «ходовую» книгу, как он говорил, чтобы заработать на ней и отдохнуть потом, на работе над интересующими его темами. Но это у него не выходило, он *не умел* (курсив мой. – Д.В.) писать ходовых книг...»{10}.

Троцкий – один из первых государственных деятелей, который максимально использовал интеллектуальный потенциал своих многочисленных секретарей, о чем будет сказано дальше. Каждое его выступление, импровизированная речь, указание тщательно стенографировались, записывались, печатались. Не случайно 21 том его сочинений, которые успели выйти в СССР к 1927 году (правда, с пропуском нескольких томов), содержит главным образом его доклады,

речи, публицистику¹. Его труды, изданные у нас до депортации, – это важная составная часть литературного наследия Троцкого, позволяющая написать его портрет.

Другой, вероятно, более важный источник, помогающий описать «невидимые» в значительной мере стороны его облика, содержится в архивах. Возможно, я являюсь одним из очень немногих исследователей, которому удалось ознакомиться не только с зарубежными фондами архивов Троцкого (Хоттонгской библиотеки Гарвардского университета, где находится около 20 тысяч документов Троцкого, включая три тысячи писем; Международного института социальной истории в Амстердаме, располагающего более чем тысячей писем разных периодов, в том числе перепиской Ленина и Троцкого; частью документов из крупной коллекции Б. Николаевского в архиве Гуверовского института), но и с обширными, полностью закрытыми до недавнего времени материалами в спецхранах советских архивов. Это прежде всего фонды бывшего Центрального партийного архива, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Центрального государственного архива Советской армии, Центрального архива Министерства обороны, Центрального архива Комитета государственной безопасности и некоторых других. Подавляющее большинство документов, приведенных в настоящей книге, публикуется впервые. Кроме того, я смог ознакомиться с рукописными вариантами ряда книг Троцкого, что позволило глубже проникнуть в лабораторию его литературного творчества.

Еще одним важным источником для написания портрета явились те сведения, которые предоставили мне родственники Л.Д. Троцкого, чудом уцелевшие и выжившие в атмосфере сталинских кошмаров, а также лица, встречавшиеся с русским революционером или лично знавшие его. Мне бы хотелось в этой связи выразить свою признательность племяннице Троцкого А.А. Касатиковой, его внучатому племяннику В.Б. Бронштейну, жене младшего сына Сергея – О.Э. Гребнер и другим родственникам. Интересные детали, фрагменты жизни, черты характера и личности помогли полнее представить: одна из стенографисток Троцкого Н.А. Маренникова, один из секретарей Сталина А.П. Балашов, люди, соприкасавшиеся в разной степени с семьей Троцкого и им самим, – Н.А. Иоффе, Д.Т. Шепилов, А.К. Миронов, В.М. Поляков, Н.Г. Дубровинский, Д.С. Златопольский, Ф.М. Назаров; последние уцелевшие «троцкисты» – И.И. Врачев, англичанин Стюарт Кирби, недавно умершая жена Исаака Дейчера (самого крупного, по моему мнению, биографа Троцкого) Тамара Дейчер и некоторые другие лица, которым я приношу сердечную благодарность за бесценные для книги и истории свидетельства.

Я также имел возможность общаться с крупными работниками советских органов госбезопасности, знающими о трагедии революционера не понаслышке. Это прежде всего П.А. Судоплатов, Е.П. Питовранов, А.Н. Шелепин и другие. С конца 20-х годов и до 20 августа 1940 года, когда по приказу Сталина Троцкий был ликвидирован, спецслужбы СССР (ГПУ, ОГПУ, НКВД) постоянно держали его под неусыпным наблюдением. НКВД об изгнаннике знал неизмеримо больше, чем мог предположить депортированный революционер. Сталину регулярно докладывалось обо всех шагах, предпринимаемых лидером IV Интернационала, на столе генсека нередко появлялись материалы Троцкого, которые еще только готовились к опубликованию!

Мне удалось ознакомиться с оперативной агентурной перепиской сотрудников НКВД, внедренных в окружение Троцкого. В своей книге я впервые привожу эти доселе совершенно секретные документы, которые проливают новый свет на многие неизвестные страницы его

¹ Прошло более 60 лет, прежде чем было снято «табу» на публикацию произведений Троцкого в Советском Союзе. В 1990–1991 гг. были изданы: «История русской революции» (Москва, Политиздат), «Политические силуэты» (Москва, издательство «Новости»), «Сталин» (Москва, СП «Терра» и Политиздат), «Сталинская школа фальсификаций» (Москва, издательство «Наука»), двухтомник «Моя жизнь» (Москва, издательство «Книга»), «Литература и революция» (Москва, Политиздат, 1991). Надеюсь, что этот список будет продолжен.

биографии. В процессе работы мне довелось многократно беседовать с лицами, осуществившими по заданию ЦК ВКП(б) ликвидацию Троцкого.

Работая над портретом, я, естественно, ознакомился и с обширной литературой о Троцком, вышедшей за последние полвека в Европе и Америке. Наибольшее впечатление производит крупный труд Исаака Дейчера, по моему мнению, написавшего наиболее объективную биографию русского революционера. Поражают усилия и научная продукция Юрия Фелыптинского, много сделавшего для ознакомления научной общественности с работами Троцкого. Капитальная научная монография подготовлена английским ученым Барухом Кнеем Пацем, свой вклад в «троцковедение» внесли Дейл Рид, Майкл Якобсон, Джоэль Кармайкл, Исаак Левин, Дункан Халас, Херольд Нэлсон, Роберт Такер, Гарри Шукман, другие исследователи. Изучение жизни и деятельности Троцкого как политического деятеля и революционера в нашей стране началось сравнительно недавно. Заметный вклад в этот процесс внесли Ю.И. Кораблев, В.И. Старцев, Н.А. Васецкий, Ю.А. Поляков, П.В. Волобуев и некоторые другие ученые.

Подчеркну, что размышлять о судьбе и роли в отечественной и мировой истории трех русских «вождей» я начал давно, постепенно втянувшись в собирание малоизвестных в нашей стране и за рубежом материалов, фактов, публикаций и личных свидетельств. Очередность работы над портретами произвольна. Если следовать научной методологии, то вначале нужно было бы написать полотно о Ленине, затем о Троцком и закончить Сталиным. Получилось наоборот. Это не случайно. Книга о Сталине, который сейчас олицетворяет историческую неудачу Отечества, была подготовлена еще в 1985 году, когда честный критический анализ роли Ленина в нашей стране был просто невозможен и такая работа абсолютно не имела шансов на публикацию. Представляется, что независимо от оценки, которую читатель даст данной книге, он не сможет не отметить, что это *первая* книга о Троцком, написанная на *советских* и *зарубежных* архивных документах одновременно.

Предубеждения против этого человека в советском обществе исключительно сильны и сейчас. И хотя я постоянно следовал лишь одному принципу – говорить правду, рисовать объективную картину, руководствоваться только истиной и исторической логикой, у значительной части читателей и слушателей мое намерение написать книгу о Троцком воспринято как отступничество. Многолетняя массированная обработка общественного сознания сильно замусорила умы многих советских людей стереотипами «троцкизма», чему, надо сказать, способствует «позиция умолчания», занятая советскими властями после кончины Сталина. А в 1987 году снова появилась формула о крупной заслуге высших партийных кругов, одержавших во главе со Сталиным «победу над троцкизмом».

Еще не для всех ясно, что онтология марксизма в России имеет три основные ветви: ленинизм, троцкизм и сталинизм. Но все они произросли из общего корня. Всем им присуще (при крупных различиях) нечто общее: ставка на социальное насилие, уверенность в абсолютной верности лишь одной идеологии, убежденность в праве распоряжаться судьбами народов.

Подчеркну, что книга о Троцком – не политическая биография, а политический портрет. Основное отличие этих жанров мне видится в том, что, строго следуя историческим фактам, «портретист» вправе по своему усмотрению давать такую интерпретацию реальным событиям и процессам, какую может видеть не просто ученый, но и художник. Политический портрет от политической биографии, упрощенно говоря, отличается, как художественное полотно от фотографии. Сходство того и другого бесспорно, но оно достигается разными средствами. К слову сказать, Троцкий был хорошим портретистом в буквальном смысле этого слова. Его перу (карандашу) принадлежат десятки набросков лиц из его окружения, знакомых, близких. Например, находясь на одном «скучном» заседании Политбюро накануне X съезда партии, он в течение нескольких часов набросал в своей рабочей тетради десяток эскизов портретов людей,

окружавших его на этом собрании{ 11}. Все они колоритны, рельефны, точны. Перо его было поистине универсальным.

В этой книге мне хотелось показать, какой может быть эволюция от свободы к несвободе, которая характеризовала прежде всего общественную мысль того времени. Все русские революционеры, и Троцкий в том числе, до свершения Октябрьской революции ратовали, например, за свободу слова. Казалось, так должно быть и впредь, когда большевики и левые эсеры завладели властью. Но... только казалось. Стоило М. Горькому заявить, что насилие большевиков – «это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции»{ 12}, как тут же последовали жесткие санкции победителей не только к меньшевистской газете «Новая жизнь», где Горький поместил свое обращение «К демократии», но и ко всей свободной прессе. На заседании Совнаркома в декабре 1917 года, под председательством Ленина и в присутствии Теодоровича, Свердлова, Елизарова, Шлихтера, Сталина, Глебова, Бонч-Бруевича, Лациса, Троцкий предложил более жестко «следить за буржуазной печатью, за гнусными клеветами на Советскую власть...»{ 13}. Борясь как будто за свободу, Троцкий и его соратники, как бы не замечая этого, все больше загоняли ее в резервацию, чтобы со временем возникли условия для полного ее уничтожения.

Значительно позже Н. Валентинов, который спустя годы напишет за рубежом сенсационные книги о В.И. Ленине, обратится к Троцкому со смелым письмом, в котором подвергнет аргументированной критике не только его, но и Ленина за путаницу в вопросах о судьбах государства и армии{ 14}. Реакция будет незамедлительной: Валентинов попадет в опалу.

В этих штрихах политического портрета Л.Д. Троцкого весь исторический парадокс большевизма. Провозглашая свободу как цель своей революции, большевики вместе с тем не замечали и не осознавали, что отбирали ее не только у «бывших», но и у тех, кого они обещали сделать «всем», у народа, поверившего им. Эту вечную ценность они вручили огосударствленной партии, затем – бюрократическому аппарату и наконец – диктатору. Троцкий до конца своих дней не понимал, что многие исходные пункты марксистской теории, которую он никогда не подвергал сомнению, глубоко ложны. Но именно ошибочные фундаментальные идеи этого учения о диктатуре пролетариата и классовой борьбе лежали в основе будущей трагедии. Абсолютизация этих постулатов (а Троцкий остался им верен навсегда) в конечном счете могла привести лишь к огромной исторической неудаче. Поэтому политический портрет Троцкого – это попытка взглянуть на судьбу свободы в России, судьбу, которая является, безусловно, трагичной.

В этой связи я хотел бы упомянуть о том художественном и философском приеме, который использован в книге. Каждая глава и вся книга в целом имеет эпиграф из произведений, высказываний, идей выдающегося русского мыслителя Николая Александровича Бердяева. И в самом тексте читатель не раз встретится с пророчествами замечательного философа и историка. Таким образом я старался сопоставить взгляды двух совершенно разных, но интеллектуально выдающихся личностей на одну общую, взаимосвязанную проблему: революция – мораль – человек. В этом заочном споре, а точнее, противопоставлении идей можно проследить борьбу двух начал: классово-политического и гуманистического. Едва ли стоит говорить, на чьей стороне в конечном счете осталась и останется историческая правда. Уверен: Бердяев помогает лучше понять Троцкого и феномен большевизма.

Возникает вопрос: знали ли Троцкий и Бердяев друг друга? Ведь они жили в одно время. Установить документально контакты этих совершенно разных выдающихся личностей не удалось. Хотя Троцкий встречался с дальними родственниками Бердяева в Киеве. Однако отношение этих людей друг к другу хорошо известно.

В своем эссе «Мережковский», написанном в 1911 году, Троцкий характеризует Н.А. Бердяева как «кокотливого философского фланера», склонного к «полумистике и

мистике»{15}. Аналогичные обидно-снисходительные эпитеты содержатся и в ряде других статей Троцкого.

Не остался в долгу и Бердяев. Но он, не захваченный бесовством революционного ниспровержения, спокоен и интеллектуально изыщен в своих метких оценках Троцкого.

Бердяев в страданиях пережил революцию. Возможно, это дало ему основание заявить: «Русская революция – отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может... Французская революция, признанная «великой», тоже была отвратительна и неудачна... Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью... Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков»{16}. Так, считал Бердяев, можно преодолеть последствия революции. Интуитивно он чувствовал, что в XX веке позитивные плоды могут дать лишь реформы, а не революции.

Скажу лишь, что для понимания большевизма, бюрократического абсолютизма, который возник вскоре в России, и для понимания самого Троцкого важны не только идеи Бердяева о русской революции, но и его непосредственные суждения об одном из ближайших соратников Ленина. В этой связи приведу некоторые оценки «оракула» русской революции, сделанные Бердяевым.

Когда в 1930 году в Берлине вышла автобиографическая книга Л. Троцкого «Моя жизнь», Бердяев, обосновавшийся в Париже, тут же откликнулся небольшой, но поразительно глубокой статьей, позволяющей лучше понять не только Троцкого, но и причины катаклизмов в России.

«Книга написана для прославления Л. Троцкого, как великого революционера, и еще более для унижения смертельного врага его Сталина, как ничтожества и жалкого эпигона... Бесспорно, Л. Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ...» Возможно, читатель согласится не со всеми оценками Бердяева, но я думаю, что они весьма полезны для «введения» в мир революционера. «Жизнь Троцкого, – пишет Николай Александрович, – представляет значительный интерес, и она ставит одну очень серьезную тему – тему о драматической судьбе революционной индивидуальности, тему о чудовищной неблагодарности всякой революции, извергающей и истребляющей своих прославленных создателей».

Бердяев, желая подчеркнуть парадоксальность образа Троцкого, прибегает к ярко-гротескным суждениям: «Большевики вошли в русскую жизнь в первый же момент уродливо, с уродливым выражением лиц, с уродливыми жестами, они принесли с собой уродливый быт. Уродство это свидетельствует об онтологическом повреждении... Л. Троцкий – один из немногих, желающих сохранить красоту образа революционера. Он любит театральные жесты, имеет склонность к революционной риторике, он по стилю своему отличается от большей части своих товарищей...»{17}

Возможно, в чем-то суждения Бердяева слишком категоричны, но нельзя не признать, что Троцкий явно выделялся в ареопаге «вождей». Бердяев сумел с помощью Троцкого глубже проникнуть в тайны человеческих смут, интеллектуальных смятений и революционных потрясений. Русский революционер всей своей жизнью, но вопреки своей воле доказал эфемерность надежд и усилий в достижении вселенского, планетарного счастья, опираясь на насилие. Этот человек навсегда занял свое видное место в памяти людей и не будет поглощен пропастью Истории не только из-за необычности своей судьбы, но и из-за исключительности, парадоксальности, своеобразия ума, воли и чувств.

Троцкий остался в истории как первый коммунистический «вождь», выступивший против чудовищных уродств сталинизма. Он же в ней останется и как бескомпромиссный пророк коммунистической идеи и ее пожизненный пленник. Наконец, Троцкий, как бы к нему

ни относились, своей жизнью подтвердил значение личности, имеющей свои идеалы. Человек, погибший в полночь эпохи, когда великая страна была еще далека от того, чтобы освободиться от сталинского похмелья, помогает нам постичь истоки многих трагедий советских людей. Сам троцкизм как течение марксизма не может рассматриваться как исключительно негативное идейное и политическое течение. Позитивная часть этого течения несомненна: последовательное неприятие сталинизма как разновидности современного тоталитаризма. С другой стороны, троцкизм как выражение леворадикального марксизма порочен в своей основе, он не имел и не имеет будущего.

Когда Ленин в марте 1922 года направил секретное письмо членам Политбюро, в котором утверждал, что «если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок»{18}, Троцкий был с ним полностью согласен. В этом глубокая ущербность всего русского яacobинства, одним из самых ярких представителей которого и был Лев Давидович Троцкий.

К его судьбе применимы слова Дмитрия Мережковского: «...величие русского освобождения заключается именно в том, что оно не удалось, как почти никогда не удастся чрезмерное...»{19} Но какими бы печальными ни оказались результаты устремлений Троцкого, до последних своих дней он пристально вглядывался в туманную даль грядущего... До последних дней своей жизни он фанатично верил в пришествие красных колесниц мировой революции.

Книга 1

Глава 1 У подножия века

Революция еще раз подтвердила горькость русской судьбы.
Н. Бердяев

Главные вожди Октябрьской социалистической революции родились в царствование Александра II. Пожалуй, именно тогда уже начались едва ощутимые судороги самодержавия. Характернейшим симптомом было «динамитное убийство» царя-освободителя стараниями «Народной воли». Российская империя запаздывала, отставала в своем развитии от европейских государств, что еще рельефнее высвечивало многочисленные противоречия гигантской страны. Разочарование в монархии раньше других испытала малочисленная, но сильная духом интеллигенция. Рабочие, не оторвавшиеся от пуповины земли, темные крестьяне все еще не утратили надежды и веры в «доброго царя». То было многовековой российской иллюзией². И.М. Василевский, автор книги о последнем русском самодержце, писал: «Народ был угнетен всегда. Страна из рук вон управлялась плохо тоже всегда. Чиновники воровали, помпадур-временщики безобразничали» {1}.

Подножие XX века для Российской империи было скользким и смутным: ослабевала власть дворянства, давно прошедшего пик своего могущества, генерировал революционное недовольство крепнущий рабочий класс, в молчащем крестьянстве, придавленном безысходностью, таились потенциальные силы стихийного бунта. Передовая часть российской интеллигенции все больше инициировала в обществе свободомыслие мятежного духа. Она пыталась говорить от имени обездоленных, то вызывая к просвещенным реформам, то проповедуя крайний радикализм, вплоть до индивидуального террора. Церковь, полиция, цензура всячески пытались укрепить трон. Однако проникательные люди в едва слышных подземных «толчках» текущей истории чувствовали приближение времени больших перемен и потрясений. Как в феврале неуловимо пахнет грядущей весной, так и на грани веков в России смутно ощущалась предгрозовая атмосфера.

Кто мог знать тогда, что вслед за Лениным, Плехановым, Мартовым поднимется новая революционная поросль, которой будет суждено сыграть особую роль во всех актах драмы русских революций? Двадцатилетними встретили новый, XX век Лев Бронштейн и Иосиф Джугашвили, родившиеся с интервалом всего в полтора месяца. Придет время, и оба они будут апеллировать к Ленину, живому, а затем и мертвому, в поисках поддержки на революционном распутье. Троцкий будет доказывать, что для победы социализма в России нужна мировая революция. А Сталин, наоборот, будет говорить: чтобы совершить мировую революцию, нужно построить социализм в одной стране. Все это будет, все это впереди, а пока обратимся к дальним истокам появления одного из тех, кого Ленин в конце 1922 года назовет «выдающимся вождем». Готовя одну из своих статей, Троцкий подчеркнул написанную им фразу: «Если личности не делают истории, то история делается через личности» {2}. Сам он будет одной из таких личностей. Прошлое не всегда убеждает, но часто помогает понять настоящее и будущее.

² Она сохранилась до сих пор. Мы и сегодня говорим: в эпоху Сталина, во времена Хрущева, в годы Брежнева, привычно определяя время не по свершениям, хронологии, социальным параметрам, а по «царям». По-прежнему удачи или успехи (которые, правда, так редки) связываем с тем или иным лидером. Психология царизма, увы, еще жива. — Д.В.

Семья Бронштейнов

Судьба евреев в России в значительной мере регламентировалась «чертой оседлости». Правда, она являлась достаточно условной. Александр I и Николай I несколько раз то расширяли ее границы, то сужали. При сужении некоторые еврейские семейства, не желавшие тесниться в жалких местечках, подавались на юг, как сказали бы в советское время – на «целинные земли». Правительство в XIX веке поощряло заселение плодородных земель на северных берегах Черного моря. Кроме русских, украинцев, греков, болгар здесь оказалось и небольшое число еврейских колонистов. Это было скорее удивительным, чем обычным, потому что евреи очень редко занимались земледельческим и животноводческим трудом. Семья Бронштейнов, в которой родился один из будущих вождей российской революции, представляла собой выходцев из обычного еврейского местечка под Полтавой.

Отец Троцкого – Давид Бронштейн, который доживет до триумфа сына и умрет в 1922 году от тифа, – был цепким и предприимчивым хозяином. Он смог, купив у отставного полковника Яновского около ста десятин земли подле маленького города Бобринец, что в Херсонской губернии, ценой напряженного труда, прижимистости и изворотливости постепенно подняться и стать зажиточным. Он все покупал и покупал земли, брал их в аренду и стал крупным землевладельцем. Во время революционного пожара в России Давид Бронштейн оказался как бы между двух огней: белые видели в нем отца одного из вождей революции, красные – крупного собственника и эксплуататора. Сохранилось несколько телеграмм того времени, из которых ясно, что родственников Троцкого не жаловали ни белые, ни красные. Отец, лишившийся именина, с помощью красных шлет телеграмму сыну:

«Москва, Предреввоенсовета Троцкому по месту нахождения. По распоряжению Деникина арестованы и увезены в качестве заложников в Новороссийск дядя Григорий запятая его жена и двоюродный брат Лев Абрамович Бронштейн точка Положение их очень тяжелое точка Прошу сделать все возможное для их освобождения и сообщить о результатах предпринятого в Одессу точка Ответ просим дать через шторм 14 Бронштейн» {3}.

Когда отец лишился состояния, Троцкий помог устроить его управляющим реквизируемой в пользу народа мельницей под Москвой. До самой своей смерти старый Бронштейн смотрел на сына с восхищением, так и не поняв, между тем, как в его семье мог родиться революционер. Абсолютно неграмотный глава семьи лишь в конце жизни научился еле-еле читать по слогам с единственной целью: разбирать заглавия книг, брошюр и статей своего младшего сына.

Мать Троцкого Анна – типичная еврейская мещанка из-под Одессы, где она получила скромное образование. Выйдя по любви за неграмотного, но красивого Давида, она обрекла себя на жизнь крестьянки, что ей, потомственной горожанке, было не так просто. Однако она сумела приспособиться к крестьянскому быту и внести в семью колониста некоторые довольно нетипичные для села элементы духовной культуры, которые не могли не оказать влияния на ее детей. Анна Бронштейн по мере возможности читала, иногда выписывала по почте книги, проявляла настойчивость, чтобы ее дети получили образование. Из восьмерых ее детей кроме Льва выжили лишь его две сестры и брат.

Лейба Бронштейн родился 25 октября 1879 года (7 ноября по новому стилю). В его краткой автобиографии, которую Троцкий для служебных целей изложит в 1919 году, читаем: «Родился я в деревне Яновка, Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, в небольшом имении своего отца-землевладельца» {4}. Здесь Троцкий неточен: семья уже в то время имела свыше ста десятин и более двухсот арендовала (а затем – много больше), у нее была паровая мельница, много разного скота. На усадьбу Бронштейнов работали десятки наемных крестьян. Сам Троцкий о своих ранних годах пишет весьма скупо, но выразительно. «Мое дет-

ство не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, – подчеркивает он, – поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. В этом обиходе детям доставалось скромное место. Мы не знали нужды, но мы не знали и щедрости жизни, ее ласк. Мое детство не представляется мне ни солнечной поляной, как у маленького меньшинства, ни мрачной пещерой голода, насилий и обид, как детство многих, как детство большинства. Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки» {5}.

Думаю, детские годы, когда в человеке многое закладывается на всю жизнь, оставили свою печать в сознании мальчика. Прежде всего Лева Бронштейн с детства изнутри видел отношения людей, занятых тяжелым, изнурительным трудом. Записывая по указанию отца, сколько денег получено за пшеницу (кстати, через перекупщиков в Николаеве хлеб продавали за границу. Продавали, а не покупали, как десятилетия спустя), сколько пудов зерна крестьяне отдавали за помол, сколько получали десятки батраков, младший Бронштейн незаметно постигал суровые реалии жизни.

Другая грань детства тесно связана с матерью, упорно (и безуспешно) пытавшейся привить детям тягу к знаниям, литературе, учебе. «Долгими зимами, – вспоминал Троцкий, – когда степным снегом заносило Яновку со всех сторон, наваливая сугробы выше окон, мать любила читать... Она нередко сбивалась в словах и запинаясь на сложно построенной фразе. Иногда подсказка кого-либо из детей совсем по-иному освещала в ее глазах прочитанное. Но она читала настойчиво, неумолимо, и в свободные часы зимних тихих дней можно было уже в сенях слышать ее размеренный шепот» {6}. Кто знает, может быть, в эти вечера мать бросила те семена духовной культуры, которые дадут скоро богатые всходы на интеллектуальной ниве? А может быть, будущего марксиста поразит жизнь поденных батраков, приходивших сотнями к Бронштейнам на уборку урожая?

Босые, одетые в рванье, они работали за гроши. В обед им давали всего-то постный борщ и кашу, а на ужин – пшеничную похлебку. Мяса не полагалось, масла – тоже. «Жильем служило чистое поле, – вспоминал Троцкий, – а в дождливую погоду – стога». Обездоленность этих людей с исколотыми ногами и печальными глазами не могла не произвести впечатления на наблюдательного мальчика. Может быть, у него возник комплекс вины: ведь нещадно эксплуатировали батраков его родители. Никто на этот вопрос ответить не может. Только сложная комбинация обстоятельств, влияние среды, непосредственное окружение, духовная пища могут способствовать определенному ходу мыслей человека, формированию кристаллов личных убеждений.

Конечно, на становление младшего из Бронштейнов особое влияние оказала школа. Сначала это была религиозная еврейская начальная школа – хедер. Учился Лева неважно, у него не было тяги к священным текстам (в семье религия занимала лишь символическое место), и он плохо знал иврит, на котором велось обучение в хедере. Правда, тогда мальчик научился читать и писать по-русски. Едва овладев грамотой, он пристрастился писать стихи. Домашним они очень нравились. Детские поэтические опыты Троцкого, в отличие от сталинских, похоже, не сохранились. Со временем музыка поэзии навсегда уступит свое место музыке революции.

По настоянию матери в 1888 году мальчика отправили на учебу в Одессу. С помощью М.Ф. Шпенцера, родственника Бронштейнов, ставшего со временем крупным издателем на юге, Льва удалось устроить в престижное казенное училище. А это было непросто, так как существовала определенная квота на количество еврейских детей, принимаемых на учебу. Сам Троцкий в своей служебной автобиографии пишет, что «учился в реальном училище имени Святого Павла и все время шел первым учеником» {7}. Реальные училища от гимназий отличались тогда меньшим объемом гуманитарного образования в пользу естественных и матема-

тических наук. Тем не менее в училище реалист прочел многое из Толстого, Шекспира, Пушкина, Некрасова, Диккенса, Вересаева, Успенского.

В последующем Троцкий, работая над своим «Опытом автобиографии», усмотрит – явно преувеличивая – в одной школьной коллизии чуть ли не свой первый акт социального протеста. Речь шла о его конфликте с нелюбимым учителем французского языка швейцарцем Бернандом. Бронштейна временно исключили из училища. Уже после революции Троцкий сочтет этот факт столь важным, что отразит его в своей автобиографии: «Из второго класса был временно исключен за протест против учителя французского языка»{8}.

Способности и трудолюбие сделали свое: Лев Бронштейн все время был лучшим учеником в классе по всем дисциплинам. Он отказался от спорта, прогулок, пустого времяпрепровождения во имя постижения наук. Легкость, с какой школьник быстро стал первым учеником, незаметно наложила отпечаток на характер Троцкого, дававший себя знать всю его будущую бурную жизнь. Он привык относиться к сотоварищам с некоторым превосходством, был очень самоуверен и настойчиво подчеркивал свое первенство.

В этом смысле интересны наблюдения Г.А. Зива, знавшего Л. Бронштейна в юные и молодые годы. Раннее знакомство позволило Зиву впоследствии выпустить книжку о Троцком. В ней он, в частности, писал: «...быть всюду и всегда первым, – это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками»{9}. Забегая вперед, скажу, что это заключение Зива, как подтверждает жизнь Троцкого, не лишено основания.

Природа наградила Льва Бронштейна красивой внешностью; голубые живые глаза, пышная черная шевелюра, правильные черты лица дополнялись хорошими манерами и умением со вкусом одеваться. Им многие восхищались, а многие недолюбливали – талант редко кому прощают. Со временем осознание своей исключительности сформировало у Троцкого ярко выраженные эгоистические и эгоцентрические черты. Возможно, это способствовало и тому, что, будучи популярным, Троцкий не имел близких друзей. Ведь для человеческой дружбы главное – равенство, в ней не может быть должников и благодетелей. Троцкий еще с детства был не готов к интеллектуальному равенству. Пожалуй, он признавал более высокий интеллект лишь у Ленина. Но и то – только после Октября. Думается, что в этой черте его характера – один из истоков личной трагедии: Троцкий был согласен только на первые роли в истории.

Но вернемся к годам учебы. Даже о школе, остающейся обычно солнечным пятном в памяти человека, Троцкий не мог вспомнить ничего хорошего. «В общем, – писал он, – память об училище осталась окрашенной если не в черный, то в серый цвет... Трудно назвать хоть одного преподавателя, о котором я мог бы по-настоящему вспомнить с любовью»{10}. Лев Троцкий не раз говорил, что в нашем мире слишком много посредственностей; его это всегда раздражало и усиливало чувство собственного превосходства.

Но, вопреки его сетованиям, в детские и школьные годы на пути Троцкого встретилось немало умных, интересных людей за пределами училища. Это и работник Бронштейнов, мастер на все руки Иван Васильевич (Троцкий не запомнил его фамилии), журналист и издатель Моисей Филиппович Шпенцер, журналист Сергей Иванович Сычевский и некоторые другие. Шпенцер, например, привил молодому Троцкому любовь к слову, тайнам книготорчества и волшебству писательства. Еще подростком Троцкий знал, что такое редактирование, набор, корректура. Он видел процесс печатного производства, полюбил запах свежей типографской краски, узнал волнение человека, взявшего в свои руки сигнальный экземпляр новой книги (пока еще не собственной). Это «таинство», как он признавался позже, его никогда не оставляло равнодушным. Вся свою последующую жизнь он прошел с пером в руке. Оно всегда было его главным оружием. Десятки книг, сотни, а скорее, тысячи его статей дают богатый материал для создания портрета этого незаурядного и сложного человека.

Занятия литературой, журналистикой привили молодому Бронштейну интерес не только к русской классике, но и к западной культуре и цивилизации. Здесь Троцкий не был оригинален. Великая держава, с мощью которой считались все монархи и правительства Европы и Азии, во многом традиционно запаздывала. Это историческое запаздывание болезненно ощущала прежде всего прогрессивная интеллигенция, тосковавшая по буржуазно-демократическим свободам, либеральным порядкам, культурным достижениям. Для еврейской интеллигенции это был мир без «черной сотни», дискриминации, «черты оседлости». Троцкий, еще не побывав на Западе, проникся особыми симпатиями к европейской культуре и ценностям. Его европеизированные взгляды сыграли в последующем немалую роль в формировании теории перманентной революции, зависимости судеб революции в России от своевременности мирового пожара, его убежденности в необходимости перенести некоторые формы европейской культуры в свою страну.

Одесса, а затем Николаев, где Лев Бронштейн заканчивал последний класс реального училища, постепенно, но неотвратимо отдаляли его от родного дома. Приезжая на каникулы домой, он физически чувствовал в херсонской степи, где теперь процветал его отец, тесноту этого мирка, ограниченного вечной борьбой за преуспевание, прибыль, выгоду. Совокупность городских и деревенских впечатлений («амальгама взглядов», как любил говорить Троцкий), помноженная на богатые природные способности и большое упорство в постижении нового, неизвестного, загадочного, формировали сильный, масштабный, гибкий и острый ум. Троцкий рано уверовал в силу собственного интеллекта.

Детство и отрочество Троцкого прошли в мелкобуржуазной среде. В последующем он смог как-то сразу освободиться от остатков психологии, исповедующей прежде всего накопительство и потребление, но некоторые черты, рожденные в этой среде, и спустя годы нередко сильно давали знать о себе.

Троцкий, как многие начинающие мелкобуржуазные революционеры, был способен на быструю смену ориентиров. Качели его взглядов нередко имели весьма большую амплитуду. Так, к марксизму он быстро пришел после того, как яростно его отрицал. Сотрудничая и поддерживая одно время меньшевиков, после революции он последовательно выступал за принятие к ним самых жестких мер. Троцкий явился, пожалуй, одним из первых творцов красного террора, который он затем решительно осуждал. Будучи марксистом, Троцкий на всю жизнь сохранил многие элементы мелкобуржуазной революционности, спонтанности, а иногда и фанатизма. В чем он остался до последних дней последовательным, так это в абсолютном неприятии сталинизма, что объясняется в основном личными мотивами.

Семья Бронштейнов не могла, конечно, воспитать в нем революционера. Но она дала ему понимание сути мелкобуржуазной среды, позволила получить исходное образование и до самой революции (в том числе и за границей) поддерживала Троцкого материально. В этом отношении его положение было гораздо предпочтительнее, чем положение большинства других революционеров. Тем более что при своей предприимчивости Троцкий использовал самые различные каналы для материального обеспечения своей семьи: активное занятие журналистикой, чтение лекций, помощь многих благотворительных фондов. В бумагах Троцкого сохранилось немало денежных документов и расписок, подобных, например, этой:

«25.11.1914 г. Вена.

Сим удостоверяю, что мною получено заимообразно из кассы Литературного фонда сто пятьдесят (150) рублей.

Лев Бронштейн»{11}.

По мере приобщения Троцкого к революционным делам его родственные связи постепенно слабели. Отец с годами, все богатея, как писал сам Троцкий, «становился жестче. Причиной были трудности жизни, хлопоты, которые росли вместе с ростом дела, особенно в условиях аграрного кризиса 80-х годов, и разочарования, принесенные детьми»{12}. А разочарование

было в том, что никто из четверых детей не захотел продолжить дело отца. Старший сын – Александр Бронштейн – получил образование, работал инженером на сахарных заводах, в том числе и в советское время. После депортации Троцкого он публично отмежевался от брата, однако был выслан, затем арестован, после чего трагическая дорога Александра Бронштейна закончилась расстрелом 25 апреля 1938 года. Старшая сестра Троцкого Лиза растворилась в семейном быту и умерла своей смертью в 1924 году; младшая, Ольга, стала женой Л.Б. Каменева. С ней Троцкий поддерживал наиболее тесные, теплые связи, пока был в Союзе. Но клеймо сестры едва ли не главного «врага народа» не давало ей шансов на выживание. В 1935 году ее арестовали, а в 1941 году расстреляли. Она пережила двух своих юных сыновей, которые были расстреляны еще в 1936 году...

Мать умерла в 1910 году, словно предсказав в одном из писем сыну – «видно, не увижу больше тебя». Троцкий в это время находился в эмиграции и был лишен возможности приехать даже на похороны. Судьба большинства членов семьи Троцкого, как и его самого, трагична. Он был, как мне сказала Ольга Эдуардовна Гребнер, жена младшего сына Троцкого – Сергея, словно прокаженный: «к кому он прикасался – всем приносил горе». В своем «Дополнительном заявлении» по поводу смерти Льва Седова (старшего своего сына) 24 августа 1938 года Троцкий напишет: «Ягода довел до преждевременной смерти одну из моих дочерей, до самоубийства – другую. Он арестовал двух моих зятьев, которые потом бесследно исчезли. ГПУ арестовало моего младшего сына, Сергея... после чего арестованный исчез...»{ 13} Сергей погибнет в 1937 году, его старший брат – в 1938 году в Париже, также будут уничтожены большинство даже дальних родственников. Да, это была словно проказа, но проказа сталинская. О.Э. Гребнер права: судьба родных и близких Л.Д. Троцкого окрашена зловещей краской сталинского остракизма. Выживших оказалось значительно меньше, чем погибших.

Революционная тропа

Троцкий любил не только литературу, но и математику. Он мечтал учиться после окончания реального училища на математическом факультете Новороссийского университета. Он мог стать ученым. Вероятно – крупным. Думаю, из него получился бы хороший специалист; давно замечено, что синтез гуманитарного и математического обычно проявляется в ярких личностях, способных к постижению научных абстракций и утонченных нравственных и эстетических ценностей. Но после окончания николаевского реального училища для него начнутся «тюремные университеты». Впрочем, находясь в эмиграции, Троцкий путем усиленного самообразования достигнет серьезных высот в различных сферах: истории, политике, экономике, философии, литературе.

Заканчивал реальное училище Лев Бронштейн, как я уже сказал, в Николаеве в 1896 году. С этого года начинается революционная биография 17-летнего Бронштейна. Он поселился у знакомых, где в семье было два взрослых сына, увлекавшихся социалистическими идеями. Это было новою, вызывало интерес, будоражило воображение. Первые месяцы молодой постоялец был довольно равнодушен, как он выражался, к «теоретическим утопиям». Послушав и усмехаясь тому, как братья доказывали друг другу «пользу для истории социализма», он уходил к себе в комнату и садился за учебники. Его не на шутку влекла магия цифр, формул, бесстрастных холодных истин. Абстрактный мир математики манил его своей загадочностью, логикой и неисчерпаемыми возможностями постижения.

Но втянувшись однажды в спор молодых социалистов, придерживавшихся народнических взглядов, он уже больше никогда не мог отрешиться или избавиться от этого турнира мысли. Отныне идейная, политическая борьба станет смыслом существования молодого Бронштейна. Процесс его идеологизации ускорился, когда новые друзья познакомили Льва с Францем Швиговским, чехом, жившим арендой фруктового сада, невесть как занесенным судьбой

в Россию. В саду у Швиговского, в его сторожке, образовалось нечто вроде коммуны «ниспровергателей» несправедливости и тирании. В этих «садовых» диспутах, как правило, господствовали народнические мотивы. Лишь один член образовавшегося кружка придерживался иной позиции. Это была Александра Соколовская, молодая женщина, знакомая с работами Маркса, Энгельса и защищавшая марксизм. Сам Троцкий об этом периоде в письме В.И. Невскому впоследствии писал так:

«Семиклассником я часто заходил к Францу Францевичу Швиговскому, интеллигентному чеху-садовнику, который арендовал сад. Был он неопределенным радикалом. Мы штудировали статьи Михайловского, «Философию истории» Кареева, «Логику» Милля, «Психологию» Гернинга, «Историю культуры» Липперта – все, что попадалось. «Коммунистический манифест» у нас имелся в отвратительном рукописном виде. Первый том «Капитала» у нас читала только Александра Львовна Соколовская (она вернулась после акушерских курсов в Одессе). Создали кружок распространения полезной литературы – «Рассадник». В 1896–1897 годах я был противником Маркса (которого не читал)» {14}.

Первый человек, от которого Бронштейн услышал аргументированный рассказ о марксизме, была действительно Александра Львовна Соколовская, дочь народника, просвещенная молодая женщина, которая через несколько лет станет первой женой молодого революционера. Лев Бронштейн, вступив в споры, не хотел и не умел проигрывать. Хотя противопоставить спокойным, взвешенным аргументам Александры Соколовской ничего конкретного он не мог, но и занять место статиста в споре – тоже.

Как отмечал И. Дейчер, Троцкий обладал «чудесным даром блефа». Мог ввязаться в спор и, основываясь лишь на логике и интуиции, не зная точно предмета дискуссии, тем не менее выглядел достойно. Соколовская, улыбаясь, слушала жаркие доводы юного Бронштейна, доказывавшего, что «марксизм несостоятелен». Возможно, она одна понимала тогда научную несостоятельность Троцкого, но не могла не отдать должное живости его мысли, оригинальности рассуждений, парадоксальности выводов. Соколовская, видимо, почувствовала, что народничество, популизм ближе по духу молодому социалисту потому, что в нем нет такой железной «задетерминированности», как в марксизме. Самоуверенному Бронштейну больше по душе была та теория, где на первый план выдвигаются субъективные факторы в виде «критически мыслящих личностей», блестящих героев, возвышающихся над толпой, кумиров, способных поднять массы на великие дела. Его нападки на марксизм были наскоками молодого человека на сухую теорию, которую он не знал и, естественно, не понимал.

В натуре выпускника реального училища чувствовался радикальный романтизм, приоритет личностного начала, моральные мотивы пионерства. Как бы то ни было, именно благодаря Соколовской на смену самоуверенности юного дилетанта пришло интеллектуальное смятение. Но вмешалось непредвиденное. Вскоре диспуты в саду Швиговского стали окрашены внезапно вспыхнувшими чувствами молодого Бронштейна и более опытной Соколовской (она была старше его на шесть лет), хотя на почве столкновения «доктрин» у них были самые серьезные размолвки. В сознании способного Лейбы шла напряженная работа; он все больше убеждался в правоте Александры. Правда, в силу тщеславия и из духа противоречия Троцкий решил даже публично «разгромить марксизм», написав едва ли не первую свою статью. Но как вспоминал позже автор, статья, в которой было много эпитафий, цитат и злого юмора, «не увидела, к счастью, света. Никто от этого не потерял, меньше всего я сам». В этом же ключе была задумана и пьеса, которую Бронштейн намеревался написать вместе с братьями Соколовскими. Стержнем конфликта в пьесе должна была стать борьба марксистов и народников. Но запала молодым хватило лишь на вступление к пьесе.

Когда в Николаев приехали отец и мать, их младший сын, получая домашние дары, рассказывал, к ужасу четы Бронштейнов, крамольные вещи о царской фамилии.

– Понимаешь, отец, на своем первом высочайшем приеме для знати он заявил: «Я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их мой незабвенный покойный родитель...»

– Правильно сказал... – тут же ввернул отец.

– Но послушай, дальше царь прокричал (волновался очень), что земцы должны «оставить свои бессмысленные мечтания»! Понимаешь, «бессмысленные», а в тексте речи было написано – «беспочвенные».

– Ну и что?

– Фразу о «бессмысленных мечтаниях» царь прокричал так громко, что царица Александра Федоровна, плохо понимавшая по-русски, спросила у стоящей рядом великой княжны:

– Что он сказал?

– Он им объясняет, что они все идиоты, – невозмутимо ответила великая княжна.

– А один из сановников, – продолжал Лейба, – предводитель дворянства Тверской губернии Уткин, вздрогнул от крика государева, да так, что выронил из рук золотой поднос с хлебом-солью... «Плохая примета при восшествии на престол», – шептали сановные старички, глядя, как Воронцов-Дашков, ползая на коленях, собирает с пола подарки... { 15 }

После этого артистического рассказа Лейба заявил:

– Живете вы, как и все общество, в прокисшем мире. Все надо менять. Убирать царя, добывать свободу! Да!

– Что ты говоришь! Одумайся! Этого не будет и через 100 лет! До чего ты додумался! Чтобы ноги твоей не было у этого бездельника Швиговского!

Размолвка с родителями окончилась временным разрывом. Младший Бронштейн, захлебываясь от чувства независимости и самостоятельности, отказался от их материальной помощи. Продержавшись несколько месяцев в коммуне Швиговского, «бунтарь» пошел на мировую. Справедливости ради надо сказать, что с этого времени власть отца и матери над сыном была потеряна: поступление на математический факультет Новороссийского университета (который он почти тут же бросил), распространение прокламаций, женитьба – все делалось вопреки запретам законопослушных родителей.

Между тем радикализм молодого Бронштейна и его друзей углублялся. Большое впечатление на них произвело сообщение в газетах о самосожжении в Петропавловской крепости в 1897 году курсистки Ветровой. Мотивы трагического акта не были ясны до конца, тем не менее членам «садовой» коммуны все было понятно: это протест против всевластия самодержавия!

Как вспоминает Г.А. Зив, однажды Бронштейн предложил ему под величайшим секретом вступить в рабочий союз, организованный им и его друзьями { 16 }, союз, в котором идеи народничества ими решительно отброшены.

– Только подлинная социал-демократия, – заявил конспиратор.

– Кто состоит в этой организации?

– Передовая молодая часть общества: революционно мыслящие студенты и рабочие!

Как поведал дальше Л. Бронштейн, «Южнорусский рабочий союз» ставит первой задачей революционное просвещение рабочих. А название организации – в честь союза, существовавшего четверть века назад и разгромленного жандармами.

В это время Бронштейн (у которого уже появилась подпольная кличка Львов) со своими друзьями действительно организовал несколько кружков среди рабочих верфей Николаева для чтения газет, брошюр и прокламаций революционно-просветительного характера. В деятельности «Союза», который просуществовал недолго, активное участие приняли молодой техник Иван Андреевич Мухин, братья и сестра Соколовские, рабочие Коротков, Бабенко, Поляк и другие. В основном работа сводилась к переписыванию и размножению социал-демократических текстов на гектографе, распространению их среди рабочих верфей и на других предприятиях.

Руководство «Союзом» было малоопытным. Конспирация – на примитивном уровне. Вполне естественно, что в организацию внедрились провокаторы. Один из них носил, вспоминал позже Троцкий, фамилию Шренцель. 28 января 1898 года Бронштейн, Швиговский, другие организаторы «Союза» были арестованы. Сам Троцкий о завершении этой начальной революционной эпопеи так писал В.И. Невскому 5 августа 1921 года: «В нашей организации серьезной конспирации не было. Всех нас быстро арестовали. Выдал провокатор Шренцель. Марксистом меня сделали рабочие в тюрьме, и прежде всего Иван Андреевич Мухин. В камере одно время со мной сидел переплетчик Явич. Мерзли, натягивали на себя что могли... Из Николаева меня перевели в херсонскую тюрьму, затем – в Одессу»{ 17}. О дальнейших перипетиях тюремной жизни он напишет в своих автобиографических заметках.

В одесской тюрьме Бронштейн содержался около двух лет до завершения следствия. Суда не было. В административном порядке он и три других «подельца» были осуждены на четыре года ссылки; другие, в том числе А.Соколовская, – на меньшие сроки.

В своих заметках, которые потом лягут в основу книги «Моя жизнь», он вспоминает, что после отправки из Одессы пробыл около пяти месяцев в московской пересыльной тюрьме и три месяца – в иркутской. Нужно сказать, что ни один день тюремного заключения не проходил для Троцкого бесследно. У него была поразительная способность к самообразованию. Отвечая уже в зрелые годы на вопрос, какое его любимое занятие, он уверенно ответил: «Умственная деятельность: чтение, размышление и, пожалуй, писание»{ 18}.

В Бутырской тюрьме они с Соколовской решили пожениться, испросили разрешение тюремных властей, сообщили родителям. Власти не препятствовали браку. Родители Соколовской – тоже. А вот Бронштейны решительно воспротивились. Сохранилось письмо Троцкого того времени к Александре Соколовской. Но прежде чем познакомить читателей с этим письмом, хочу отметить следующее. Когда-то Троцкий решительно возразил против готовящейся публикации его переписки с первой женой, даже угрожал обратиться в Политбюро. В фонде Л.Д. Троцкого есть его письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» по этому поводу:

«Я решительно возражаю против печатания писем, имеющих явно личный характер, хотя бы в них заключались общественно-политические элементы. Я еще не покойник; люди, с которыми я переписывался, тоже еще здравствуют, и не трудитесь превращать нас в исторический материал для Истпарта. Если Истпарт держится другого мнения, то я внесу вопрос в Политбюро. До рассмотрения Политбюро, во всяком случае, прошу не печатать.

С коммунистическим приветом

31.VII. 1922 г.

Л. Троцкий»{ 19}.

Угроза подействовала, письма Троцкого не были опубликованы. Теперь, спустя почти 70 лет после обращения автора письма в «Пролетарскую революцию», думаю, запрет снят самим временем. Тем более что Троцкого и Соколовской уже более полувека нет в живых... Лев Давидович обычно сам поощрял публикации о себе; но здесь речь шла о предании гласности личной переписки с первой женой при наличии жены второй.

Вот выдержки из письма Л.Д. Троцкого к А.Л. Соколовской накануне их женитьбы:

«Шурочка! Мне нужно тебе передать целую кучу новостей (хотя и не особенно любопытных). Третьего дня я имел свидание с матерью. Свидание окончилось полным разрывом – и лучше, не правда ли? Я на этот раз дал отпор, и вышла довольно скверная сцена. Я отказался от помощи. Сейчас я получил письмо от твоего отца: он очень милый человек! Отец не огорчен моим разрывом с родными, но, по-видимому, даже рад... Мол, устраняется вопрос имущественного неравенства...

Я теперь так близко сижу от тебя, что, кажется, ощущаю твое присутствие. Если бы ты, спускаясь по лестнице на прогулку, сказала бы что-нибудь, я бы обязательно услышал. Попробуй, Сашенька! Мне тяжело... Я хочу тебя слышать, тебя видеть...

Ну а если нам не разрешат обвенчаться? Это невозможно! У меня бывали такие минуты (часы, дни, месяцы), когда самоубийство было самым приличным исходом. Но у меня не хватало для этого смелости...

Сибирская тайга умиротворит нашу гражданскую чувствительность. Зато мы там будем счастливы! Как олимпийские боги! Всегда-всегда неразлучно вместе! Сколько раз я уже повторяю это, и все-таки хочется повторять и повторять...» {20}

Лев Бронштейн еще и сам не знает, что менее чем через три года он покинет Александру Соколовскую с двумя крохотными дочками, чтобы никогда не возвращаться в первую семью... Сам виновник постарается придать разрыву максимум возможного в таких случаях благородства. «Судьба развела нас невозвратно, хотя мы и остались добрыми друзьями», – напишет он много лет спустя.

Изучая личную переписку Л.Д. Троцкого, я склоняюсь к тому, что женился он по любви, хотя потом в книге «Моя жизнь» он попытается это подать чуть ли не как акт, диктуемый революционной целесообразностью. Всего пол-абзаца посвящено этому эпизоду: «До села Усть-Кут плыли, помнится, около трех недель. Здесь посадили меня вместе с близкой мне ссылкой по николаевскому делу (не с женой, а «близкой мне ссылкой по николаевскому делу»! – Д.В.). Александра Львовна занимала одно из первых мест в «Южнорусском рабочем союзе». Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтоб не быть поселенными врозь (а как же «всегда-всегда неразлучно вместе!»? – Д.В.), мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме» {21}. Почему же Троцкому понадобился брак, которого он так добивался, представить чуть ли не фиктивным? Ведь когда он писал свои воспоминания, его дочери от этого брака были уже взрослыми людьми. Может быть, все объясняется тем, что Троцкий в своих книгах и статьях часто обращается к моральным сентенциям, благородству, порядочности, а его первая любовь и брак оказались недолгими. Умолчать об этом в автобиографии никак нельзя, а подать как необходимость «для работы» быть вместе, тем более с человеком, у которого «полное отсутствие всего личного», – весьма удобно.

Как бы мы ни относились к Троцкому, но история его отношений с первой женой отдает элементарным прагматизмом, стремлением в соответствующий момент освободиться от «обузы» для реализации своих высоких планов. Хотя справедливости ради следует отметить, что духовную связь с женой и детьми – впрочем, слабую – Троцкий долго пытался подерживать.

Когда старшая дочь Зинаида приехала к отцу в Константинополь, Александра Львовна надеялась, что единственная оставшаяся в живых дочь (Нина умерла в 1928 г.) будет согрета отцом. Но родственной близости не получилось. Зина оказалась чужой во второй семье отца. Душевная болезнь Зины потребовала лечения в Берлине, изгнанник делал все, что мог, для облегчения ее участи. После курса лечения Троцкий написал в Москву первой жене, чтобы «она подумала о комнате, в связи с приездом дочери». Но через несколько недель Троцкому пришлось взять на себя печальную миссию: написать Александре Львовне о трагической смерти дочери. Все это будет спустя три десятилетия после первого брака.

Может быть, я несправедлив к Троцкому, высказывая свое мнение о его отношении к первой жене? Возможно. Тем более что, когда Соколовская попала в беду (в 1935 г.) и была сослана фактически только за то, что была бывшей женой главного личного врага Сталина, в новой семье Троцкого не раз вспоминали ее, дочерей, внуков, тревожась об их судьбе. 2 апреля 1935 года Лев Давидович делает такую дневниковую запись: «Только что получил письмо из Парижа. Ал. Львовна Соколовская, первая жена моя, жившая в Ленинграде со внуками,

сослана в Сибирь. От нее уже получена открытка за границей из Тобольска, где она находилась на пути в более далекие части Сибири... Не думаю, чтоб Ал. Льв./овна Соколовская/ проявляла за последние годы какую-либо политическую активность: и годы, и трое детей на руках (внуки. – Д.В.). В «Правде» несколько недель тому назад, в статье, посвященной борьбе с «остатками» и «подонками», упоминалось – в обычной хулиганской форме – и имя А. Л., но лишь попутно, причем ей вменялось в вину вредное воздействие – 1931 г.! – на группу студентов, кажется, Лесного института. Никаких более поздних «преступлений» «Правда» открыть не могла. Но одно уж упоминание имени означало безошибочно, что следует ждать удара и по этой линии» {22}.

Через три дня Троцкий добавит в дневнике: «В последние два дня Н. (Наталья Ивановна Седова, вторая жена изгнанника. – Д.В.) больше думала об А.Л. (Александре Львовне. – Д.В.), чем о Сереже: может быть, с Сережей, в конце концов, ничего и нет, а А. Л., в 60 лет, отправлена куда-то на Дальний Север» {23}.

Можно, видимо, сказать, что, хотя «судьба и развела их невозвратно», все устранить из памяти не дано никому. Когда же память имеет союз с совестью, то возникает беспристрастный посредник между общечеловеческими требованиями морали и самой личностью. В конце концов совесть осуждает каждого из нас не столько за поступки, сколько за их мотивы. В самосознании человека совесть самый «информированный» компонент, она знает о человеке все. Благодаря этому внутреннему судье Троцкий лучше других знал свои несовершенства, связанные, главным образом, с различными проявлениями эгоистического тщеславия. Но... совесть всегда говорит неслышно и при этом почти никогда не ошибается. Думаю, что Троцкий всегда оставался верен своему революционному долгу. Но едва ли он мог бы сказать то же самое по отношению к некоторым людям, которые в разное время окружали его. Впрочем, я несколько отвлекся...

Троцкий колоритно описывает в «Моей жизни» свое этапирование в ссылку. Вот, например, небольшой фрагмент из его воспоминаний.

«В селе было около сотни изб. Мы поселились в крайней. Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежат золотые прииски. Отблеск золота играл на всей Лене. Усть-Кут знал раньше лучшие времена – с неистовым разгулом, грабежом и разбоем. Но в наше время село затихло. Пьянство, впрочем, осталось. Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу... Весною и осенью село утопало в грязи. Зато природа была прекрасна. Но в те годы я был холоден к ней... Книги и личные отношения поглощали меня. Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц» {24}. Но как раз бедная реальность бытия восплаляла богатое воображение Троцкого. Романтические видения со смутным предчувствием собственного исторического предназначения уже посещали ссыльного на самом пороге века.

Деятельная натура Троцкого сразу же определила себе круг работы. Он много занимался самообразованием и, пожалуй, впервые широко попробовал себя на поприще журналистики, где бесспорно преуспел. После партийной клички Львов он придумал себе еще одну – Антид Ото. Статьи с этой подписью стали часто появляться в местной газете «Восточное обозрение». Писать он был готов на любые темы: о сибирской деревне и положении женщин в Сибири, о местных властях и роли земств. Троцкий писал статьи о творчестве Ницше, Гоголя, об Успенском, Герцене... Его материалы категоричны, как приговор. Вот, например, как он разделяется с известным в то время писателем в статье «История литературы, г. Боборыкин и русская критика». Троцкий начинает сразу лихо: «Г. Боборыкин написал книгу о европейском романе (Европейский роман в XIX столетии. СПб, 1900). Но с этой книгой случился совершенно исключительный казус: ее никто кроме самого автора, не понял...» {25} Далее в том же духе. Через всю жизнь Лев Давидович пронесет это качество: безапелляционность и бес-

компромиссность в оценках; отсутствие боязни высказать кому угодно свое «особое» мнение; готовность пойти против устоявшихся норм и порядков. Благодаря этим качествам он приобрел немало сторонников. Но еще больше противников.

Несколько статей ему удалось отправить за рубеж, на Запад. В кругах русской эмиграции заметили несомненные литературные способности неизвестного корреспондента. Там не знали, что эти статьи – плод не долгой работы, а быстрой импровизации, своеобразного озарения, когда мысль легко изливается на бумагу. Писатели и журналисты знают, как трудно дается иногда одна фраза, одно слово. Об этих мучениях рано умерший поэт, молодой Семен Надсон, которого любил Троцкий, писал: «Нет на свете мук сильнее муки слова». Но Л. Бронштейн мучился мало: писал быстро, ярко, категорично. Нередко – легковесно. В его статьях молодых лет явно просматривается желание блеснуть эрудицией, сослаться на наимоднейшие литературные и научные авторитеты, классику, часто без видимой необходимости. К слову, ссылка в Сибирь давала богатые возможности заниматься литературным трудом.

В своих воспоминаниях, письмах, многочисленных автобиографических заметках село Усть-Кут, Верхоленик стали для Бронштейна одной из его личных «вершин» служения революционному делу. Кстати, если попытаться сравнить быт, жизнь, условия существования ссыльных, которые окажутся здесь уже в советское время, то придешь к выводу, что они несопоставимы по своей суровости. Жандармам Российской империи было ой как далеко до беспощадности сталинских карательных органов! И в создании этой новой системы со временем примет активное участие и ссыльный из Усть-Кута.

В феврале 1923 года Л.Д.Троцкий по просьбе своего зарубежного друга М. Истмена написал ему о своей первой ссылке. Жизнь ссыльного он описывал таким образом: «...в Сибири, в Усть-Куте мы жили на одной квартире с польским сапожником Микшей. Это был прекрасный товарищ, внимательный, заботливый, великолепный повар, но он выпивал, и чем дальше, тем больше. Время делилось между хозяйственной работой и чтением. Рубка дров, подметание, мойка посуды, помощь Микше по кухне. Чтение было очень разнообразно: Маркс, социалистическая литература, художественные произведения мировой литературы. Журналистская работа; стал писать корреспонденции в «Восточное обозрение». Литературная работа – обычно ночью. Нередко до 5–6 часов утра. Привычка эта сохранилась у меня и позже, в венский период моей жизни...

Однажды мне не выдали почту в почтовом отделении. Я бурно протестовал. Меня приговорили к трем рублям штрафа. Извещение это меня застало уже в Верхоленике, откуда я вскоре бежал. Так три рубля штрафа не были уплачены, в числе многих других моих долгов царизму...»{26}.

В Усть-Куте оказалась даже небольшая библиотека, созданная ссыльными. Из всего прочитанного там самое большое впечатление на Троцкого произвел двухтомник Глеба Успенского. Вначале он с известным недоверием отнесся к рассказам и очеркам писателя. Но потом не мог оторваться. Откладывая книгу, когда начинала мигать лампа с выгоревшим керосином, он представлял себе, «что только что побывал в русской деревне с ее болью, тяготами, темнотой. И позднее, став последовательным «западником» и в литературных пристрастиях, тем не менее особое место отводил Успенскому. Читая деревенский дневник писателя, ссыльный однажды подчеркнул: «...работа целой деревни на один господский дом. Без отговорок, без возражений деревня должна была работать изо дня в день, из года в год. Барин, которому принадлежала деревня, мог меняться, быть то злым, то добрым, но для деревни все эти перемены ничего не значили: работы одинаково требовали все – и консерваторы, и либералы, и даже радикалы, словом – всевозможные сорта людей, поселявшихся в господском доме. Кто бы там ни жил, от деревни требовалось одно – «работа», заполнявшая большую часть дня, года, всей жизни, – работа не на себя... Все это выработало совершенно определенный идеал для существа, носящего название мужика...»{27}.

На Троцкого очерки Успенского произвели столь сильное впечатление, что он сам написал полтора десятка статей о сибирской деревне, в которых явно видно влияние большого русского писателя. Так ссыльный погружался в простую жизнь, где ему очень скоро стало невыносимо тягостно. Деятельная натура хотела простора для самовыражения, утверждения, известности.

Очень скоро импульсивному ссыльному опостытели и Усть-Кут, и Верхолениск. Ему было тесно среди этих убогих домишек вдоль грязной улицы. Первые удачные литературные и журналистские опыты, замеченные общественностью, дали Троцкому ощущение: ему нужен простор, большая арена. Ему сообщили, что даже в редакции «Искры», куда случайно попали две-три его статьи, доброжелательно отзывались о них. Больше томиться в Сибири ссыльный решительно не мог. Он должен быть в Петербурге, Москве, западных столицах. Он нужен там! Когда после внутренней борьбы он сказал об этом Александре Львовне, та, помолчав, не стала возражать против его побега. Нетрудно представить, чего ей это стоило. Молодой женщине предстояло остаться одной в глуши с двумя крохотными детьми, без больших надежд на воссоединение. В ее глазах Лейба был почти гением, который скоро заставит говорить о себе всех и везде. Соколовская осталась, как она думала, верна революционной морали: способности жертвовать самым дорогим и близким во имя идеалов. Эта женщина всю жизнь будет жертвовать: мужем, дочерьми, зятьями, внуками и, наконец, собой.

Вообще имя Троцкого очень тесно связано с жертвами. Было много жертв по его воле. Об этом я еще скажу дальше. Жертвовал многим и он, и не по своей воле. Фактически обе его семьи станут жертвами. В итоге в страшном жертвеннике мести и террора окажется и он сам. Когда эти жертвы оправдывали его дело, славу, стремления, он считал их естественными, необходимыми. В конце концов жестокая борьба, которой он посвятил всю свою жизнь, отнимет у него все, кроме его места в истории.

Еще на исходе зимы 1902 года Троцкий провел «разведку» – побывал в Иркутске, где ему нужно было встретиться со знакомыми ссыльными, прикинуть возможность побега. Для того чтобы выехать хотя бы на один день, пришлось испрашивать у верхоленинского уездного исправника разрешение. Выглядело оно так:

«Проходное свидетельство»

Дано состоящему под гласным надзором полиции административному ссыльному Лейбе Давидовичу Бронштейну в том, что ему разрешен Иркутским губернским управлением от 20 февраля сего года выезд в г. Иркутск на один день, куда он должен следовать неуклонно и нигде во время пути не останавливаться без особо уважительных причин...»{28}

А летом 1902 года ссыльный бежал. Это оказалось совсем нетрудным делом. Его посадили в повозку, накрыли сеном и отправили в Иркутск. В памяти об этой последней в его жизни сибирской дороге у него остались лишь бесчисленные ухабы, сотрясавшие беглого ссыльного. В Иркутске друзья выдали беглецу приличное платье и паспорт, куда он вписал свое новое имя. Почему он выбрал фамилию Троцкий? Трудно сказать... Но у фамилии был реальный владелец – тюремный смотритель из Одессы: импозантный, крупный, дородный мужчина, из тех, что берут призы на конкурсах мужской красоты. Бронштейн не думал, что с этой случайно взятой фамилией он навсегда останется в памяти людей.

Верхоленинский жандарм придет в избу, где жил ссыльный, для ежедневной проверки, заглянет на чердак и, увидя спящего под крестьянским рядном человека, уйдет. Тогда он не догадается, что это сделанное Лейбой чучело... Но Соколовская не могла долго скрывать исчезновение мужа, который уже катил по Транссибирской магистрали на запад в курьерском поезде и читал гексаметры Гомера в русском переводе Гнедича. Через два дня из Верхоленинска ушла телеграмма:

«Губернатору

Копия полицмейстеру

Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн 23 лет 2 аршина половиной волосы каштановые подбородок двойной разделен носит очки по заявлению жены Бронштейн выехал Иркутск.

Исправник Людвиг»{29}.

Спустя какое-то время в охранном отделении на учетной карточке Троцкого появится дополнительная запись к уже имеющимся:

«Бронштейн (Лев) Давидов, он же Николай Троцкий и Яновский, лишенный всех прав состояния, сын колониста, русский (так в тексте. – Д. В.) литератор. В 1898 году Бронштейн привлекался в качестве обвиняемого по делу о «Южнороссийском рабочем союзе» в Одессе. Выслан на 4 года под гласный надзор. 21 августа из г. Верховенска скрылся и помещен в розыскной циркуляр от 1 сентября 1902 года № 5530»{30}.

Заехав по пути в Самару к Кржижановскому, Троцкий пробыл там неделю и направился в Лондон, в редакцию «Искры», где он был уже известен под кличкой Перо. Молва о талантливом молодом журналисте социал-демократической ориентации докатилась до берегов Темзы. С фальшивым паспортом, полулегально пересекая границы, Троцкий ехал навстречу судьбе. В своих кратких автобиографических заметках он позже запишет: «Незаконно перешел границу Австрии, нашел и познакомился с основателем Австрийской социалистической партии»{31} (Троцкий всегда гордился своим личным знакомством со многими известными людьми, ему был свойствен этот неизменный атрибут человеческого тщеславия). Позже в одной из своих статей в «Киевской мысли» он так опишет эту встречу: «Первый раз мне довелось повстречаться с «доктором», таково его популярное имя, в 1902 г., в октябре, проездом из одной очень восточной губернии. Денег у меня хватило на дорогу только до Вены. После больших размышлений я отправился в редакцию «Arbeiter Zeitung»...

– Можно ли видеть Адлера?

– Сегодня? Невозможно!

– Но у меня важное дело.

– Значит, вам придется отложить его до понедельника...

В конце концов я узнал все же адрес доктора и отправился к нему на квартиру. Ко мне вышел невысокого роста человек, сутуловатый, почти горбатый, с опухшими веками на усталом лице, которое с необыкновенной выразительностью говорило, что этот человек слишком умен, чтобы быть просто «добрым», но что он все же слишком добр, чтобы не найти смягчающих вашу вину обстоятельств...

– Я – русский...

– Ну этого вам не нужно было еще особо мне сообщать, я уж имел время об этом догадаться...»{32}

Почти все встречи, беседы, выступления, явления, к которым был причастен Троцкий, были им описаны. Не случайно Кржижановский дал ему кличку Перо. Троцкий обладал редкой способностью не только «вписываться» в ткань, калейдоскоп общественных событий, но и запечатлеть это в статьях, брошюрах, книгах, докладах, донесениях. Я не знаю ни одного русского революционера, который бы так много, подробно, красочно говорил о себе. Трудно поверить заявлению Троцкого, сделанному им в «Предисловии» к своей автобиографии-воспоминаниям: «Историческую перспективу я привык рассматривать не под углом зрения личной судьбы»{33}. Напротив, особенностью исключительно богатого литературного творчества Троцкого-революционера является его стремление (хотя он этого часто даже уже и не видел) взглянуть на многообразие исторических событий через призму своей фигуры. Троцкий замечает, что «никому еще не удавалось написать автобиографию, не говоря о себе». Это верно. Но Троцкий очень много говорил о себе и тогда, когда писал не автобиографию.

Ранним лондонским утром в октябре 1902 года Троцкий прибыл по адресу, который ему дал еще в Цюрихе Павел Аксельрод, и, как его учили, три раза стукнул дверным кольцом. То была маленькая однокомнатная квартира, где жили Ленин и Крупская. Здесь он впервые встретился с Лениным (а услышал первый раз о нем, находясь в московской пересыльной тюрьме). Надежда Константиновна, как описывает И. Дейчер, с порога воскликнула:

– Перо прибыло!

Но Троцкому нужно еще расплатиться с извозчиком. А затем он «заговорит» Владимира Ильича ворохом новостей с родины. Отныне в течение более двадцати лет дороги этих людей будут пересекаться очень часто. От взаимной симпатии к прямой вражде и – вновь – к согласию. Оба в пору разлада не будут скупиться на эпитеты – острые, порой обидные, жесткие, оскорбительные, часто меткие. Ленин, который был старше Троцкого почти на десять лет, увидел в пылком революционере, с жаром, взалхев говорившем о Сибири, Самаре, Цюрихе и опять о Верхоленске, одного из тех, кто может открыть новую страницу революционного движения в России.

Троцкий, не дав подняться Владимиру Ильичу с постели, подвинув поближе стул, не останавливаясь, энергично жестикулируя, говорил, говорил, говорил... Так поет птица, обретшая свободу...

Едва ли сейчас Троцкий помнил последние слова, с огромным трудом, но искренне произнесенные Александрой Соколовской в момент прощания:

– Иди, тебя ждет большая судьба...

Европейский «бивуак»

В сентябре 1929 года Троцкий, находясь на острове Принкипо в Эгейском море и томясь неизвестностью, начал писать воспоминания под названием «Моя жизнь». В предисловии к своему двухтомному сочинению он напишет: «Здесь я нахожусь на бивуаке – не в первый раз, – терпеливо дожидаясь, что будет дальше». В жизни таких «бивуаков» у него будет немало. В первый раз на вынужденном «бивуаке» он оказался в 1902 году. Разница была в том, что, очутившись тогда впервые в Европе, Троцкий не столько ожидал, сколько действовал: писал, спорил, ездил, воевал с пером наперевес, жадно вглядываясь большими голубыми пронизательными глазами в жизнь, знакомую раньше лишь по книгам и газетным статьям. Но и, конечно, ждал. Чего? Революцию... Все его биографы позже дружно отметят, что Троцкий был человеком с «большой европейской культурой». Скажем, правда, что люди, волею судеб искавшие убежища под западной, европейской крышей, были носителями не менее высокой культуры российской, но она была присуща лишь узкому интеллектуальному слою общества.

Троцкий более трети жизни провел в эмиграции. Каждый «бивуак» сыграл в его жизни свою роль и был окрашен в неповторимые политические и нравственные цвета. Если второй «бивуак», скажем так, был «долгим ожиданием», а третий – «изгнанием ожесточения», то «бивуак» первый явился для молодого революционера «восторженным откровением». Эти три жизненные станции, три вехи на пути одного из «выдающихся вождей» русской революции лежат в основе его взглядов на перманентную революцию, на роль IV Интернационала. Он был эмигрант, а на поле эмиграции всходы были разными, неоднозначными.

Эмиграция всегда играла заметную роль в политической и духовной жизни России. Когда Н.А. Бердяев оказался в изгнании, он спросил себя: «С какими же русскими мыслями приехал я на Запад?» И ответил: «Я принес эсхатологическое чувство судеб истории... Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции, в конечности и запредельности русского коммунизма, поставившего проблему, не решенную христианством... Принес сознание конфликта личности и мировой гармонии, индивидуального и общего, неразрешимого в пределах истории» {34}.

А что же принес с собой на Запад молодой Бронштейн? Пока – жажду познания, постижения богатства европейской культуры. Он был настойчивым и воинственным учеником. Когда революционер окажется в изгнании третий, и последний раз, с собой он увезет лишь горечь личной трагедии, ненависть к Сталину и надежду на приход новой пролетарской революции...

Итак, Бронштейн оказался в эмиграции, где ему нужно было сохранить свое «я» и адаптироваться в новой социальной и духовной среде. Российская интеллигенция в те годы существовала как бы в двух средах. Одна – отечественная, близкая, знакомая, но более суровая для реализации идей свободомыслия. Другая – европейская, с более богатыми традициями политической и духовной терпимости к инакомыслию, была для нее больше чем очаг высокой культуры. Это была среда, где генерировались идеи и усилия, обращенные к России в надежде на свершение в ней революционных перемен. Интеллектуальный слой россиян всегда обладал исключительно высокой духовностью, глубокой одухотворенностью и верой в непреходящие идеалы. Герцен, Бакунин, Кропоткин, Лавров, Ткачев, многие другие оказывались в Европе не столько с мыслью о самосохранении, сколько с целью служения родине в специфических условиях.

Особенно мощный слой революционеров-интеллектуалов оказался за рубежом на грани веков: Ленин, Плеханов, Мартов, Потресов, Дан, Аксельрод, Засулич, другие представители российской социал-демократии. Это была плеяда революционеров, сыгравших особую роль в идейной и теоретической подготовке февральского и октябрьского революционных взрывов 1917 года. Особняком в этой когорте стоял Ленин, который принимал активное участие в подготовке грядущей революции и как теоретик, и как организатор. Осенью 1902 года в Лондон – эту своеобразную Мекку российских революционеров – прибыл Троцкий. Ему только-только исполнилось 23 года...

Молодого честолюбивого революционера влекла возможность сотрудничать в общероссийской социал-демократической газете. В редколлегии «Искры» состояли шесть блестящих умов, каждый из которых уже оставил заметный след в революционном движении. «Старики» – Плеханов, Засулич, Аксельрод – соседствовали с «молодыми»: Лениным, Мартовым, Потресовым. Ленин быстро оценил Троцкого, дав ему весьма лестную характеристику: «Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед. И в области переводов и популярной литературы он сумеет сделать не мало»{35}. По предложению Ленина в марте 1903 года Троцкого ввели в состав редколлегии газеты с совещательным голосом. С самого начала своего пребывания на Западе он много писал. Уже в ноябре 1902 года в «Искре» появилась его первая статья. Автор писал о стачках и революционных традициях, ссылке и II Интернационале. Писал не только в «Искру», но и в другие газеты. Диапазон Пера был исключительно широк, что уже смахивало на дилетантство. В фонде Троцкого хранится множество рукописей его статей: напечатанных и ненапечатанных. Есть даже такая – «Нечто о сомнамбулизме».

Отношения с блестящей группой высокообразованных людей наложили неизгладимый отпечаток на духовный мир Троцкого. Особенно его тянуло к Аксельроду, Засулич и Мартову. Перед П.Б. Аксельродом Троцкий тогда преклонялся. Он посвятил ему восторженную статью, хотя в советское время не включил ее в свое собрание сочинений. Впрочем, свою первую крупную работу «Наши политические задачи», написанную в 1903 году, увенчал посвящением: «Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду».

К этому времени между Троцким и Лениным уже существовало отчуждение. И это нашло отражение в книге. В ней насколько негативно говорится о Ленине, настолько же высоко об Аксельроде. Как он отзывается об этом социал-демократе?

Аксельрод – «верный и проницательный страж интересов пролетарского движения»; «он истинный пролетарский идеолог»; «Аксельрод пишет не «статьями», а математически сжатыми формулами, из которых другие, в том числе и Ленин, делают очень много статей...»{36}.

Троцкий поселился в доме, где жили Мартов и Засулич. По несколько раз в день они встречались, обсуждали новости, статьи и заметки, которые готовили в «Искру», много и жарко спорили. Молодой член редколлегии не скрывал своего восхищения и В.И. Засулич, которая еще до того, как Троцкий появился на свет, участвовала в террористических актах, прославилась на всю Россию шумным процессом, когда ее были вынуждены оправдать. Блестящий, мятежный ум нигилистки, ее воспоминания будоражили воображение молодого революционера, чья энергия искала выхода. Засулич принадлежала к тому поколению русских революционеров, которым органически был присущ радикализм решений и действий. Троцкий заявлял, что Засулич была для него «легендой революции». И это не слова. В мировоззрении Троцкого радикальные элементы доминировали всю жизнь. Он не признавал полумер, полушагов. Троцкий уже тогда мыслил радикальными категориями.

Поначалу у Троцкого сложились превосходные отношения и с Мартовым, блестящим журналистом, обладавшим способностью сколь образно, столь и глубоко анализировать самые сложные проблемы. Троцкий искренне восхищался Юлием Осиповичем. Мог ли он знать тогда, на рассвете века, что в марте 1919 года он напишет о своем кумире совсем-совсем иное! Приведу несколько выдержек из того, что будет писать Троцкий о Мартове сразу после Октябрьской революции:

«Мартов, несомненно, является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его проницательности недоставало воли. Цепкость не заменяла их... Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с таким талантом эксплуатировал бы марксизм для оправдания уклонений от него и прямых измен ему. В этом отношении Мартов может быть, без всякой иронии, назван виртуозом... Необыкновенная, чисто кошачья цепкость – воля безволия, упорство нерешительности – позволяла ему месяцами и годами держаться в самых противоречивых и безвыходных положениях... В конце концов Мартов стал самым изощренным, самым тонким, самым неуловимым, самым проницательным политиком тупоумной, пошлой и трусливой мелкобуржуазной интеллигенции» {37}.

Столь пространную выдержку я привел не только для характеристики Мартова, которым Троцкий вначале восхищался, но и затем, чтобы показать, что человек, портрет которого мы хотим создать, был способен кардинально менять свои привязанности, давать нелицеприятные оценки любому человеку. В своих суждениях, часто очень резких – иногда неоправданно, – просматриваются решимость и независимость Троцкого, отсутствие боязни «испортить отношения», примат независимости собственного мнения над любыми другими соображениями. Это очень скоро почувствовали все редакторы «Искры», особенно на II съезде партии.

Оказавшись на своем первом европейском «бивуаке», ставшем для него, как я уже отмечал, «восторженным откровением», Троцкий бесцеремонно, в упор разглядывал исторические фигуры, которые уже тогда для многих революционеров были легендарными. Таким был и Г.В. Плеханов. Хотя Георгий Валентинович жил в Швейцарии, он часто наезжал в Лондон. Проживший десятилетия на Западе, он заметно оторвался от русской почвы, но, несмотря на это, в революционных кругах, особенно в эмиграции, давно уже завоевал славу патриарха марксизма в России. Теоретическая основательность, непреклонная логика, энциклопедические знания, отличное перо сделали Плеханова настоящим корифеем марксизма. Однако Троцкого он встретил настороженно, если не сказать, враждебно. Начальная настороженность быстро переросла в устойчивую неприязнь, которую Плеханов сохранил до конца своих дней. Он упорно возражал против ввода Пера в редколлегию «Искры». При личных встречах был подчеркнуто сух и неприветлив. И. Дейчер антипатию Плеханова объяснял так: «Оба были прекрасными публицистами и остроумными спорщиками, оба обладали театральной манерой

говорить, оба высоко ценили себя, свои идеи и свои дела. Однако если звезда младшего только начинала подниматься, звезда старшего шла к закату. Троцкий был преисполнен кипучего, хотя и незрелого, но чудесного энтузиазма, Плеханов же становился скептиком. Когда Плеханов приехал в Лондон, Засулич горячо расхваливала в его присутствии таланты Троцкого.

– Этот парень – несомненно гений!

Плеханов помрачнел, отвернулся и произнес:

– Этого я никогда ему не прощу»{38}.

Георгий Валентинович не раз заявлял на заседании редколлегии, что статьи Троцкого легковесны, напыщенны, цветисты и снижают общий теоретический и политический уровень газеты. Думаю, Плеханов был прав: многим материалам Троцкого того времени еще не хватает глубины, которую он заменяет россыпью афоризмов, множеством оригинальных цитат, откровенными сентенциями и красивостями. Более осторожно, но в этом же ключе высказывался о статьях Троцкого и Ленин. Возможно, что критика помогла Троцкому скорректировать и выверить свой оригинальный, яркий стиль, хотя до конца своих дней он не научится спокойно и деловито воспринимать какие-либо критические стрелы в свой адрес. Он слишком рано уверовал в свою исключительность и интеллектуальное превосходство, чтобы выслушивать замечания. Когда человеку часто говорят, особенно в лицо, о его таланте и даже гениальности, критическое отношение к себе незаметно разъедается эрозией тщеславия.

Итак, несмотря на все старания, Троцкому не удалось установить более или менее лояльных отношений с Георгием Валентиновичем. «Отец-основатель» не мог принять дерзкой бойкости молодого революционера, безапелляционно и немедленно высказывавшего свое мнение по любому вопросу. Говорят, в 1917 году Плеханов в узком кругу бросил по адресу Троцкого саркастические слова: «любовник революции». Троцкий скоро и сам стал отвечать ему такой же неприязнью. В целом ряде статей, написанных позже о Плеханове, «любовник революции» довольно сурово обходился с одним из столпов марксизма.

В первом томе «Войны и революции», опубликованном в 1922 году, Троцкий напишет: «Война подытожила целую эпоху в социализме, взвесила и оценила вождей этой эпохи. Безжалостно ликвидировала она в их числе и Г.В. Плеханова. ... Несчастье Плеханова шло из того же корня, что и его бессмертная заслуга: он был предтечей. Он не был вождем действующего пролетариата, а только его теоретическим предвестником»{39}. Думаю, этот вывод не лишен оснований. Бывало, что Троцкий говорил о человеке, с которым лично познакомился в 1902 году, и резче, оскорбительнее. В газете «Наше слово» 14 октября 1915 года появилась его статья «Оставьте нас в покое». Там есть такие фразы: «Плехановщина – не только личная трагедия, но и политический факт. И раз возле Плеханова, в окружающей его свите нулей, нет никого, кто бы мог его заставить понять, что его выступления не только губят его, но и безнадежно омрачают образ, составляющий уже достояние партийной истории, – у нас не остается не только долга, но и права быть снисходительными». Когда Г.В. Плеханов умер, то в своей речи 4 июня 1918 года Троцкий сказал: «Нет и не может быть большей трагедии для политического деятеля, который неустанно доказывал в течение десятилетий, что русская революция может развиваться и прийти к победе лишь как революция рабочего класса, не может быть большей трагедии для такого деятеля, как отказаться от участия в движении рабочего класса в самый ответственный исторический период, в эпоху победоносной революции»{40}.

Ленин, привлекая Троцкого к работе в газете, скоро стал одновременно использовать его талант трибуна, оратора, полемиста на различных диспутах и встречах. Запомнились его ожесточенные словесные схватки с социал-демократом Чайковским, анархистом Черкезовым, самим Мартовым. За рубежом жило много русских; немало было и англичан, французов, немцев, швейцарцев, которых интересовала теория марксизма, политическое положение в России, перспективы социализма в грядущем. По совету Ленина Троцкий не ограничил свою деятельность журналистикой, диспутами и начал выступать с лекциями в Лондоне, Брюсселе, Париже,

Цюрихе. Постоянное общение молодого марксиста с известными революционерами не только быстро расширяло кругозор Пера, но и укрепляло его уверенность в своих способностях, особым dare, даже исключительности. Затем, во время второй эмиграции, такие выступления Троцкого станут обычными. В архивном фонде Л.Д. Троцкого сохранилась парижская афиша о его выступлении:

«В субботу 6 января 1912 года:

Н. Троцкий

прочтет реферат на тему

НЕОТЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ, содержащие:

Торгово-промышленный подъем. Оживление классовой борьбы. Воссоздание партийных организаций. Распад старых фракций. Фракционное раскрепощение. Беспринципность кружковых межеваний. Выборы в четвертую Думу. Борьба за единство партии.

Приглашаются только члены Российской социал-демократической рабочей партии.

Цена за вход – 50 сантимов. Начало в 8 1/2 вечера» {41}.

Многие люди знают, что они умны. Это естественно. Но Троцкий, будучи безусловно талантливым человеком, выдающимся публицистом и оратором, особо заботился, чтобы это было оценено другими. Он не чурался театральности жестов, экстравагантности выражений в надежде, что они усилят впечатление от его выступлений. Троцкий любил дело, но всегда *любил и себя*. Он обладал способностью смотреть на себя со стороны и любоваться. Троцкий был влюблен в самого себя почти как Нарцисс из «Метаморфоз» Овидия. Обычно любовь к себе не рождает ревности у других. Но у Троцкого – случай особого рода. Он внутренне любил себя, но это чувствовали другие и расценивали это как выражение его *превосходства*.

Троцкий еще очень молодым навсегда поверил, что оставит – обязательно оставит! – глубокий след в истории. Одно из доказательств – он с очень раннего времени весьма тщательно сохранял следы своих публичных устных и печатных выступлений. В архивных фондах сохранились не только черновики статей, речей, проектов резолюций, но и пригласительные билеты, краткие пометки, сделанные на полях газет и календарных листах, вырезки из многочисленных периодических изданий, где хотя бы упоминалась его фамилия. Он не ошибся в том, что станет знаменитым, ведь это было его *целью*. Утверждая это, я не хочу принизить Троцкого как революционера, но намерен с убежденностью сказать: революция была для него основным способом самовыражения. Личное «я» для него всегда значило больше, чем для многих других лидеров и вождей, исключая Сталина. Тот, мы знаем, надев тогу *скромности*, всю жизнь был пожираем ненасытной жадой власти и славы. Троцкого нельзя ставить рядом со Сталиным прежде всего потому, что еще с юных лет он стремился прежде всего к величию *интеллектуальному*. Власть и слава были не страстью его, как у Кобы, а необходимыми атрибутами интеллектуального превосходства.

Это отступление я сделал для того, чтобы подчеркнуть утонченность устремлений Троцкого, для которого интеллектуальное признание значило неизмеримо больше, чем занятие официальных постов, обладание высоким политическим статусом.

Лондонский период первой эмиграции был связан с рядом выездов в другие города и страны. Для него все это действительно было «восторженным откровением»: большой интерес людей к загадочной России; заметное внимание к нему – молодому революционеру; возможность общаться с людьми, о которых в интеллигентских кругах Отечества ходили легенды; появившаяся уверенность в том, что и по сравнению с известными лидерами западной социал-демократии русские социалисты не уступали им в мощи ума, культуры, смелых планов. В Париже, куда Троцкий приехал по настоянию Ленина, ему посчастливилось услышать Жана Жореса, окунуться в жизнь Франции и почувствовать биение пульса страны иной парламентской культуры, чем Англия. Правда, порой Троцкий, отдавая должное уровню цивилизации

западных стран, непременно подчеркивал российскую отсталость. В этом смысле он не щадил свою родину.

Даже говоря об ораторском искусстве французов, уничижительно писал: «...иной русский черноземный человек и у Жореса открывает лишь искусную техническую выучку и псевдоклассическую декламацию. Но в этой оценке сказывается только бедность нашей отечественной культуры»{42}. Вполне объяснимое преклонение Троцкого перед западной культурой, цивилизацией, уровнем буржуазной демократии, видимо, позволило ему подойти в свое время к выводу о решающей зависимости окончательной победы социализма в России от силы революционных пожаров на Западе. Троцкий, чья родина была на Востоке, в душе всегда бы «западником». Это выражалось не только в злом высмеивании славянофилов, но и в подчеркивании, что все «величайшие открытия и изобретения родились на Западе». Иногда складывалось впечатление, что Троцкий стыдился того, что родился в России. Правда, он умело маскировал свое «западничество» ссылками на других деятелей русской культуры, восхвалявших достижения европейской цивилизации.

«Восторженное откровение» первой эмиграции связано и с сугубо личными мотивами. Почтовая связь с А. Соколовской, оставшейся в Сибири с двумя детьми, довольно скоро ослабела. Юношеская увлеченность первой женщиной быстро проходила. Он не успел по-настоящему постичь ни радостей, ни мук, ни забот отцовства. Жена и две крохотные дочери отошли, как выразился Троцкий, в «невозвратное».

Когда в 1903 году в Париж к Троцкому приехали его родители, чтобы помириться с сыном, которым в душе гордились, мать сделала попытку напомнить сыну о его долге перед Соколовской и детьми. Троцкий мягко, но однозначно попросил родителей не поднимать больше этот вопрос. Мать замолчала, а старый Бронштейн в душе был рад; он был уверен, что именно эта женщина «сбила с пути их сына». Лейба показывал матери вырезки из газет со своими статьями, афиши, извещающие о «выступлениях Н. Троцкого», рассказывал о широком круге знакомых среди знаменитых людей. Восхищенные глаза матери выдавали ее отношение к сегодняшней жизни сына. Мать вслух читала заголовки статей Лейбы, отец с благоговением слушал. Стареющие Бронштейны наконец поняли, что другой жизни сын теперь не приемлет; кто знает, может быть, он станет великим писателем?

Уезжая из Парижа, колонисты с далекой Херсонщины оставили сыну денег и пообещали помогать двум его дочкам в России. Они не могли допустить, чтобы дети их незаурядного сына, который станет знаменитым (Бронштейны были теперь в этом уверены), бедствовали. Это противоречило бы их иудейской традиции.

К слову, коротко замечу о еврейском происхождении и «сионизме» Троцкого. Его враги – от черносотенцев до нынешних антисемитов – всегда старались и стараются подчеркнуть еврейское происхождение Бронштейна. Нередко его деяния прямо связывают с «сионистским заговором», «еврейскими происками», масонством и т.д. Думаю, нет ничего более далекого от истины, нежели обвинение Троцкого в сионизме. Вождь-еврей... Для многих это выглядело и выглядит подозрительно... У Троцкого были минуты, когда он страдал от своего еврейского происхождения. Он отказался от поста наркома внутренних дел в правительстве Ленина, заявив, что «люди не поймут назначение еврея на эту должность». Он, видимо, имел в виду предрассудки, жившие в общественном сознании, для которого этот пост связан прежде всего с карательными функциями. Генриху Ягоде, кстати, не пришла такая мысль, как, впрочем, и Сталину, утверждавшему его в этой должности. Троцкий никогда не мог забыть, что он еврей, и потому, что враги всегда напоминали ему об этом. Но что бы ни говорили о Троцком, его нельзя упрекнуть ни в национализме, ни в сионизме, ни в расизме. Имеется бесчисленное множество свидетельств, которые подтверждают интернациональный характер его мировоззрения.

В феврале 1932 года он отвечал своему стороннику Клиngu:

– Вы спрашиваете, каково мое отношение к еврейскому языку?

Отвечаю:

– Как ко всякому другому языку. Если я действительно употребил в своей «Автобиографии» слово «жаргон», то это потому, что в годы моей юности еврейский назывался не «идиш», как теперь, а «жаргон», так выражались сами евреи, по крайней мере в Одессе, и в это слово не вкладывали ничего предосудительного.

– Вы говорите, что «меня называют ассимилятором».

– Решительно не знаю, какой смысл может иметь это слово. Я, разумеется, противник сионизма и других видов самоизоляции еврейских рабочих... {43}

Когда в мае 1932 года еврейские рабочие из Соединенных Штатов сообщили Троцкому на Принкипо о том, что они создали еврейскую газету «Наша борьба», опальный революционер им ответил: «Существование самостоятельного еврейского издания служит не для того, чтобы обособить еврейских рабочих, а, наоборот, чтобы сделать им доступными те идеи, которые связывают всех рабочих в одну революционную семью. Вы, разумеется, решительно и непримиримо отвергаете старый бундовский принцип федерации национальных организаций...» {44} Думаю, эти слова не требуют дополнительных комментариев: они отражают позицию Троцкого, которой он придерживался всю жизнь.

Будучи уже Председателем Реввоенсовета и наркомвоенном, он получил однажды в 1919 году письмо из Муромы Владимирской губернии от коммуниста-корейца Нигая, в котором тот писал, что по России ходят темные слухи: «родину завоевали жидовские комиссары». Все несчастья народ сваливает на евреев. Мол, советская власть держится «на еврейских головах, латышских стрелках и русских дураках». Чтобы спасти страну от гибели и измен, Нигай советовал Троцкому «создать могучую еврейскую армию и вооружить ее с ног до головы... Чем евреи хуже татар, латышей, которые имеют свои полки...» {45}

Троцкий с любопытством повертел в руках письмо и попросил Бутова отправить Нигаю вместо ответа несколько его статей об интернациональном характере русской революции.

Находясь на вершине власти, он чувствовал, как живучи антисемитские предрассудки. А когда его положение пошатнулось, он это осознал еще глубже. В этом отношении весьма характерна его записка Н.И. Бухарину от 3 марта 1926 года. Приведу ее с сокращениями:

«Н. Иванович,

Пишу это письмо от руки (хотя и отвык), так как совестно диктовать стенографистке то, о чем хочу написать...

Секретарь ячейки (о котором я говорил) пишет, и опять совсем не случайно, – «в Политбюро бузят жида». И опять никто не решился об этом никуда сказать – по той же самой формулируемой причине: выгонят с завода.

Автор письма, которое я цитировал, рабочий-еврей. Он тоже не решился написать о «жидах, агитирующих против ленинизма». Мотив такой: «если другие, не евреи, молчат, то мне как-то неловко...». Другими словами: *члены коммунистической партии боятся донести партийным органам о черносотенной агитации, считая, что их, а не черносотенца выгонят...*

Вы скажете: преувеличение! И я также хотел бы думать, что так. Так вот я Вам предлагаю: давайте поедem в ячейку и проверим...

Ваш Троцкий» {46}.

Но Бухарин в то время ходил в союзниках Сталина и никуда с Троцким не поехал...

Находясь уже в изгнании, в одном из своих писем он отвечает на вопрос корреспондента: как он относится к созданию Еврейской автономной области в Биробиджане?

Троцкий отвечает, как всегда, с позиции пролетарского революционера-интернационалиста, каковым он остался до конца своих дней. «Еврейский вопрос, – пишет затворник с Принкипо, – стал сейчас составной частью мировой пролетарской революции. Что касается Биробиджана, то судьба его связана со всей дальнейшей судьбой Советского Союза. Еврейский вопрос, вследствие всей исторической судьбы еврейства, интернационален... Судьба

еврейского народа может быть разрешена только полной и окончательной победой пролетариата...»{47} Какими бы ошибочными или наивными ни были упования Троцкого только на классовую борьбу и пролетарскую революцию в решении «еврейского вопроса», они, однако, убедительно свидетельствуют о глубокой враждебности революционера сионизму. Тем более странно слышать сегодня слова о «зловещих троцкистских планах», смыкающихся с «мировой стратегией сионизма».

В своих скитаниях Троцкий выработал иммунитет к антисемитским выпадам, намекам, травле. Он просто стал выше этих древних предрассудков, которые всегда использовали силы консервативного, реакционного толка. У Троцкого много слабых, уязвимых мест, если не сказать больше. Но обвинять его в тайных симпатиях сионизму просто нечестно. Правда, я несколько отвлекся от своего повествования...

В Париже среди русских эмигрантов Троцкий встретил молодую, умную и красивую женщину – Наталью Седову. Ближе Троцкий познакомился с ней, когда после его выступления в русской колонии она вызвалась показать ему Лувр. Переходя из зала в зал мимо бессмертных шедевров, молодой человек в пенсне с копной черных волос узнает, что Наташа – дочь богатых родителей, училась в институте благородных девиц в Харькове, но была исключена за вольнодумство и чтение радикальной литературы. Здесь она изучает курс истории искусств в Сорбонне... Взаимное влечение было столь сильно, что вскоре Наталья Ивановна, оставив своего мужа, ушла к Троцкому. Вся последующая жизнь Льва Троцкого и Натальи Седовой говорит об исключительно сильных чувствах, сопровождавших этот брак всю жизнь. Наталья Ивановна Седова вспоминала о том времени: «Осень 1902 года была обильна рефератами в русской колонии Парижа. Группа «Искры», к которой я принадлежала, увидела сначала Мартова, потом Ленина... Затем выступал молодой товарищ, бежавший из ссылки. Выступление его было очень успешно, колония была в восторге, молодой искровец превзошел все ожидания».

Нужно сказать, что Н.И. Седова разделила в дальнейшем триумф мужа, оказавшегося на самом гребне революционной славы, и испытала вместе с ним всю горечь ostracism и преследований. Троцкий не раз говорил, что в самые тягостные минуты изгнания ему помогала выстоять прежде всего Наталья Седова. Он благодарен Парижу, что встретил ее здесь. Забегая вперед, скажу, что в его завещании, написанном в несколько приемов, есть исключительно теплые и нежные строки, обращенные к жене.

Но вернемся в Европу. Первый европейский «бивуак» Троцкого с осени 1902 года до возвращения в начале 1905 года в Россию был, возможно, самым счастливым периодом его личной жизни. Хотя сам Троцкий, по словам Н. Седовой, заявлял, что «был поглощен политической жизнью и всякую другую замечал постольку, поскольку она сама напрашивалась, и воспринимал ее как доuku, как нечто такое, чего нельзя избежать»{48}. Даже когда его спросили, каково его впечатление от Парижа, он, смеясь, ответил в своем типично парадоксальном духе:

– Похож на Одессу, но Одесса лучше!

Позже по этому поводу он скажет: «Сперва я «отрицал» Париж и даже пытался его игнорировать. В сущности, это была борьба варвара за самосохранение. Я чувствовал, что для того, чтоб приблизиться к Парижу и охватить его по-настоящему, нужно слишком много расходовать себя. А у меня была своя область, очень требовательная и не допускавшая соперничества: революция»{49}. Да, революция была и осталась навсегда его вечной страстью.

Первая эмиграция была для Троцкого временем самоутверждения, постижения, открытия и широчайших знакомств. Революционный провинциал с юга России, прошедший краткие тюремные и ссыльные университеты, воображал себя почти героем. Когда перед очередным выступлением в русской колонии где-нибудь в Льеже объявляли: «Слово для выступления с рефератом «Положение в социал-демократическом движении в России» имеет Лев Троцкий,

недавно вырвавшийся из сибирской ссылки», – он чувствовал себя почти сотоварищем Веры Засулич накануне покушения на генерала Трепова...

Парадокс Троцкого

Русские радикалы были настойчивы. I съезд РСДРП, прошедший в Минске в марте 1898 года, был, пожалуй, символическим. Хотя создание Российской социал-демократической рабочей партии было провозглашено, ее, партии, не было. Вскоре после съезда члены ЦК были арестованы, и организационного оформления марксистских групп и кружков в партию не произошло. В анналах истории остался лишь яркий документ съезда – «Манифест РСДРП», написанный Петром Струве.

После подготовительной работы, проведенной Лениным и редколлегией «Искры», в июле – августе 1903 года наконец состоялся II съезд РСДРП. Делегаты собрались вначале в Брюсселе, но царская охранка протянула и туда свои щупальца, и съезд перебрался в Лондон. На форуме российских социал-демократов присутствовали 43 делегата, которые представляли 26 марксистских организаций. Троцкий имел мандат от Сибирской социал-демократической организации. Среди членов русской революционной колонии за ним уже закрепилась слава как о подпольщике, прошедшем, несмотря на молодость, тюрьмы и ссылки.

Приехав из Женевы в Брюссель вместе с младшим братом Ленина врачом Д.И. Ульяновым, Троцкий сразу же с головой ушел в работу съезда: доклады, споры, обсуждения резолюций, выступления... Съезд проходил в помещении склада так называемого Народного дома. В порядке дня стояло два десятка вопросов: конституирование съезда; место Бунда в РСДРП; Программа партии; национальный вопрос; демонстрации, восстания, террор; отношение к эсерам; выборы Центрального Комитета, Центрального органа и Совета партии и другие.

Так уж случилось, что в широком спектре вопросов, вынесенных на обсуждение, ключевое место заняли две-три проблемы, имевшие впоследствии отголоски в будущем. Вначале ничто не предвещало бури. Но уже вопрос о Бунде едва не расколол съезд. Еврейская организация социал-демократов потребовала для себя особого, если не исключительного, положения: не только равных прав, что и было предусмотрено, но и «культурной автономии». На съезде было много евреев, и от решения вопроса в большой мере зависело, какое начало возьмет верх: национальное или интернациональное. К чести делегатов съезда, интернациональную позицию в этом вопросе заняли сами еврей-искровцы. Мартов и Троцкий, которые через несколько дней решительно разойдутся с Лениным, в этом вопросе помогли отстоять позицию «Искры». Троцкий с присущим ему жаром и страстью показывал национальную ограниченность, узость бундовской концепции, которая в принципе не позволит создать единую сильную партию в многонациональной стране. Троцкий так пылко защищал интернациональные позиции в вопросе о месте Бунда в РСДРП, что его даже назвали «дубинкой Ленина». Троцкий нанизывал один аргумент на другой, доказывая, что если Бунд займет особое положение в партии, то другие фракции потребуют того же. А создание специфических условий национальным отрядам просто похоронит саму идею всероссийской организации. Троцкий, как восходящая звезда на социал-демократическом небосклоне, расценил требование Бунда как сепаратизм, который сначала утвердит себя в партии, а затем захватит и на государственность.

Ленинская линия победила, и съезд в своей резолюции записал: «Решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между РСДРП и Бундом, как ее составной частью, съезд устанавливает, что Бунд занимает в единой РСДРП положение автономной составной части...» {50} Однако «Всеобщий еврейский рабочий союз» не пожелал входить в партию на таких условиях.

Взрыв произошел, казалось, неожиданно. Делегаты съезда приступили к обсуждению Устава партии. Сыр-бор разгорелся из-за первого параграфа Устава. На первый взгляд фор-

мулировки, предложенные Лениным и Мартовым, почти идентичны, за исключением вроде бы небольшого нюанса: в ленинском предложении член партии должен поддерживать партию не только материальными средствами, но и *личным участием*; у Мартова – поддержка «личным содействием» {51}. Терминологический спор выявил два разных подхода к членству в новой партии. Ленинский, как известно, выражал стремление создать жестко централизованную организацию, в которую могут входить люди, отвечающие вполне определенным требованиям, а главное, непосредственно принимающие участие в революционной деятельности. Мартов же хотел распахнуть двери партии демократически широко, создать ассоциацию сочувствующих лиц. Мартов и его сторонники набросились с критикой на Ленина, используя вопрос о членстве как предлог для выяснения всех накопившихся спорных вопросов в социал-демократическом движении. Особенно громко звучали голоса «обиженных». Дело в том, что Ленин предложил сократить число редакторов «Искры» до трех, оставив в их числе кроме себя Плеханова и Мартова. Это имело определенное основание. В 45 изданных номерах «Искры» (скоро ее стали называть «старой») Мартов написал 39 статей, Ленин – 32, Плеханов – 24, а менее активная часть редколлегии – значительно меньше: Потресов – 8, Засулич – 6. Аксельрод – 4. Ленин просто хотел оставить в редколлегии газеты наиболее деятельных членов, так как трое «выпавших» из состава писали мало, а главное, как, видимо, полагал Ленин, – слабо.

Поэтому, когда встал вопрос о первом параграфе Устава партии, неожиданно резко запротестовал Троцкий. Он не мог понять и простить, что из «Искры» убирают глубоко уважаемых им людей, хотя в своих выступлениях Ленин высказал в их адрес самые теплые слова. Мартов и Троцкий стали обвинять Ленина в узурпации власти и грубости. Два вчерашних союзника и товарища – Ленин и Мартов – с большой энергией стали обличать друг друга, выискивая скрытый смысл в противостоящих формулировках. У каждого были сторонники. Два слова – «участие» и «содействие» – при попытке создания из них амальгамы-сплава как бы взорвались, расколов съезд. В этой ситуации Плеханов (правда, ненадолго) пошел за Лениным, а Троцкий – за Мартовым. Троцкий позже так охарактеризовал эту ситуацию с расстановкой сил в когорте корифеев: «На съезде Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова и – навсегда. Плеханов, по-видимому, что-то почувствовал на съезде. По крайней мере, он сказал тогда Аксельроду про Ленина: «Из такого теста делаются Робеспьеры» {52}. Думаю, что это замечание было пророческим.

Ленин был обескуражен позицией Троцкого, он рассчитывал на его решительную поддержку, тем более что ранее (даже на этом съезде) молодой революционер однозначно высказывался за крепкую, централизованную партию. И на заседаниях съезда, и вне их Ленин вместе с братом неоднократно лояльно, доброжелательно обращался к Троцкому, пытаясь доказать ему недостаточную взвешенность и продуманность его позиций. Но в какой уже раз симпатии и антипатии, личные отношения и амбиции сыграли в политике решающую роль! Так было и, вероятно, будет не раз. Мартов и Аксельрод оказались тогда ближе Троцкому, чем Ленин.

Ленин, умевший критически относиться только к противнику и очень редко к самому себе, в письме к А.Н. Потресову вопрошал: «Я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто выступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать перед кем угодно эту свою вину, – если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc» {53}. На заре большевизма Ленин еще мог самокритично относиться к себе.

Троцкий тогда занимал, видимо, более правильные позиции, чем Ленин. «Его поведение, – писал Троцкий в 1929 году после депортации из СССР, – казалось мне недопустимым, ужасным, возмутительным... Мой разрыв с Лениным произошел таким образом как бы на «моральной» и даже на личной почве. Но это была лишь видимость. По существу, почва расхождения имела политический характер, который лишь прорвался наружу в организационной

области». Далее Троцкий делает вывод: «Так или иначе, второй съезд вошел в мою жизнь большой вехой, хотя бы уже по одному тому, что развел меня с Лениным на ряд лет»{54}. Думаю, эти оценки – честные. Но ни сам Троцкий, ни его многочисленные биографы не увидели всей *парадоксальности* поведения молодого революционера.

Прежде чем попытаться ответить на вопрос, в чем суть этого парадокса Троцкого, остановлюсь на другом вопросе, который, как мне кажется, имеет большое значение для понимания как русской, советской философии истории, так и политического портрета человека, которому посвящена эта работа.

Долгие годы ученые, раскрывая историческое значение II съезда РСДРП, касаясь перипетий борьбы относительно членства в партии, видели в этом прежде всего организационный вопрос: какой должна быть партия – крепостью или ассоциацией? Думаю, что дело не только в этом, а может быть, и главным образом, не в этом. Суть спора и конфликта, по моему мнению, лежит глубже. С момента распространения марксизма в России мыслители, общественные деятели, революционеры, т.е. та небольшая прослойка интеллигенции, которая разделяла основную концепцию, воспринимала ее неоднозначно. Одна часть считала главным звеном в марксизме лишь его радикальные элементы, связанные со сломом старой государственной машины, установлением диктатуры пролетариата, ликвидацией эксплуататорских классов. Другая видела в марксизме прежде всего социал-демократические начала³ которые могут обеспечиваться и утверждаться не только революционным, но и реформистским путем. Отсюда ссылки на марксизм как тех, кто хотел достичь высоких целей, считая допустимыми террор, насилие, экспроприации, так и других, кто намеревался вынудить капиталистов пойти на уступки путем соглашений и компромиссов. Поэтому можно с убежденностью сказать, что на II съезде РСДРП раскол вновь созданной партии произошел не по организационному вопросу (это то, что лежало на поверхности), а по отношению к революционной методологии мышления и действия. Съезд оформил наличие двух параллельных стратегических тенденций: радикальной, революционной, бескомпромиссной, которую стали олицетворять большевики, и реформистской, эволюционной, парламентской, носителями которой в российском социал-демократическом движении были отныне меньшевики. Пожалуй, эта реальность отразила в более широком плане то, что есть в любом революционном движении: радикальное и умеренное крылья.

В России противоборство этих двух тенденций приняло вначале драматический, а затем и трагический характер. Думаю, было бы идеально, если бы в общем революционном потоке сосуществовали оба крыла, борясь друг с другом демократическими методами и доказывая социальной практикой преимущества своих подходов и программ. Представляется, что стремление к монизму тех и других в конечном счете оставило в проигрыше само революционное движение. Хотя в то время Ленин формально не ставил вопроса об однопартийном государстве. Идеи реального плюрализма, к сожалению, и по сей день для многих остаются еретическими. Здесь мы сразу забываем, что любим именовать себя диалектиками, но диалектика, как известно, основной источник социального движения видит в борьбе противоположностей. Отказ от *революционного* плюрализма стал истоком многих бед в грядущем, особенно после Октября 1917 года. По-моему, Ленин и Мартов, борясь на съезде, уже тогда понимали, что дело далеко не в организационных вопросах. В незаконченном труде «Мировой большевизм», написанном Мартовым в 1919 году и вышедшем после его смерти, лидер меньшевиков, вскрывая истоки большевизма, проницательно писал: Ленин с самого начала «скептически отно-

³ В первой Программе партии эти начала выражены в народовласти, «тайнстве» голосования, народных парламентах, неприкосновенности личности, свободе совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, свободе передвижения, праве получать образование на родном языке и т.д. – Д.В.

сился к возможности демократического решения социально-политических проблем, уповая на «экономический вандализм» и «военное насилие»{55}.

Ну а в чем парадокс поведения Троцкого? Я полагаю, внимательный читатель уже понял. Троцкий, будучи по убеждениям, по натуре, по мировоззренческим установкам ярко выраженным радикалом, попросту говоря «леваком», неожиданно поддержал реформистов, умеренных! Это внешне действительно очень парадоксально. Троцкий, который станет певцом мировой, перманентной, социалистической революции и будет им всю свою жизнь, вдруг поддержал – и решительно! – Мартова, о котором позже напишет такие убийственные строки: «Более его образованные в своих областях Гильфердинг, Бауэр, Реннер и сам Каутский (т.е. реформисты. – Д.В.) являются, однако, в сравнении с Мартовым неуклюжими подмастерьями, поскольку дело идет о *политической* (курсив мой. – Д.В.) фальсификации марксизма...»{56}

Парадокс этот только кажущийся. Троцкий при всем своем феерическом блеске ума, способности с интеллектуальным изяществом в афористичной форме излагать сложные идеи, тем не менее во многих вопросах тогда скользил еще по поверхности. Внешняя энциклопедичность весьма часто не подкреплялась глубиной анализа. Троцкий не видел, что, поддерживая Мартова и его сторонников, он не просто голосовал за их формулировку, а *выступал* против самого себя.

Позже Троцкий это поймет, но инерция борьбы еще долго будет цепко держать его в оппозиции Ленину. Свою историческую промашку «любовник революции» постарается вскоре исправить или смягчить своеобразным способом – заняв центристские позиции. Об этом он и сам позже откровенно скажет: «Организационно я не входил ни в одну из фракций. Я продолжал сотрудничать с Красиным, который был в то время большевиком-примиренцем: это еще больше сблизило нас, ввиду тогдашней моей позиции. В то же время я поддерживал связь с местной группой меньшевиков, которая вела очень революционную линию»{57}.

Но тогда остановиться в своем противодействии Ленину Троцкий уже не мог; вступила в действие логика идейной борьбы. Вскоре после съезда Троцкий написал статью «Отчет Сибирской делегации», где утверждал: «...съезд думал, что занят конструктивной работой, но работа была разрушительной... Кто мог ожидать, что съезд, созданный «Искрой», беспощадно растопчет редколлегию «Искры»?.. Какой политический провидец мог предсказать, что Мартов и Ленин выступают... враждебными руководителями враждующих фракций? Все это оказалось ударом грома среди ясного неба. Этот человек (Ленин) со свойственной ему энергией и талантом возьмет на себя роль дезорганизатора партии...»{58}.

Троцкий в своем «Отчете» не без оснований стал обвинять Ленина в попытке «термидора» в партии, «захвате» в ней власти, стремлении действовать «железным кулаком». Демократическое «западничество» в тот момент оказалось у Троцкого сильнее. Пожалуй, кульминацией критики Троцкого явилась его брошюра «Наши политические задачи», вышедшая в августе 1904 года в Женеве. Троцкий, как я уже говорил, посвятил свой труд «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Кстати, это посвящение предельно зло обыграл 23 октября 1927 года на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин, поставив Троцкого в положение глухой обороны{59}.

Троцкий в брошюре обвиняет Ленина во всех грехах: в отлучении революционных предшественников от социал-демократического движения, в «недопустимом разгроме» экономистов, узурпаторстве партийной власти. Он провидчески предрекал, что предоставление особых полномочий Центральному Комитету может открыть дорогу единоличному диктатору... Троцкий не остановился и перед тем, что назвал Ленина «Максимилианом Лениным» (намекая на Робеспьера. – Д.В.), «сухим статистиком», «неряшливым адвокатом», «демагогом», «злым человеком» и т.д.

При чтении брошюры складывается впечатление, что Троцкий отвергает Ленина не по «частям», а целиком. Причем делает это в грубой форме. «Утопив вопрос тактики в вопросе

«философском», – пишет молодой революционер, – тов. Ленин купил себе право отождествлять содержание партийной практики с содержанием партийной программы. Он не хочет ничего знать о том, что нам нужны не «философские корни в глубине» – какой дремучий вздор!.. – а живые политические корни, живой контакт с массой...» У Ленина, читаем дальше, «борьба со шпионами заслоняет собою борьбу с абсолютизмом и другую, гораздо более великую борьбу – за освобождение рабочего класса!»{60}.

Ни один революционер, называвший себя марксистом, пожалуй, никогда не нападал с такой яростью на Ленина. Самое поразительное, что насакивал на признанного лидера российской социал-демократической партии человек, которого Ленин заметил одним из первых и, по сути, сам вывел на широкую сцену политической деятельности. Троцкий атаковал Ленина, не заботясь об аргументах (у него их часто попросту не было), с чисто юношеским задором. Думаю, что в данном случае Троцкий не оценил в полной мере политические возможности Ленина. Возможно, он подумал, что диалектика борьбы окончательно и бесповоротно отбирает у Ленина первые роли в исторической драме. И крупно ошибся. Причем не в первый и не в последний раз. Хотя Троцкий обладал неизмеримо большими прогностическими способностями, чем, допустим, Сталин и даже сам Ленин.

За свой «небольшевизм» Троцкому пришлось в жизни много оправдываться. Даже в первые полтора десятилетия века ему старались об этом напомнить многие. Получив уже в последнем своем изгнании письмо от своих сторонников, в котором они писали, как один из его бывших сторонников Тольгеймер уличал его в «антиленинизме», Троцкий отвечал им:

«Троцкий не был большевиком до 1917 года. Верно, я до 1917 года стоял вне большевистской фракции. Я думаю, однако, что я и во время моих расхождений с большевиками стоял гораздо ближе к Ленину, чем Тольгеймер сейчас. Если я пришел к Ленину позже ряда других большевиков, то это не значит, что я понял Ленина хуже их. Франц Меринг пришел к марксизму гораздо позже, чем Каутский и Бернштейн, которые с молодых лет попали под прямое влияние Маркса и Энгельса. Это не помешало тому, что Франц Меринг остался революционным марксистом до смерти, а Бернштейн и Каутский доживают свою жизнь, как жалкие оппортунисты. Совершенно верно, что Ленин в ряде важнейших вопросов был против меня, но почему отсюда вытекает, что Тольгеймер прав против меня? Это мне не ясно»{61}.

Таким образом, Троцкий, будучи сам «якобинцем», обвинял Ленина в начале века в радикализме; будучи сам «центристом», обвинял Ленина в стремлении сконцентрировать партийную власть в центральных органах; будучи сам сторонником Робеспьера, бросал обвинение Ленину как потенциальному диктатору. Этот парадокс Троцкого, повторюсь, связан, с одной стороны, с подменной идеей людьми. Для него уход в тень Аксельрода и Засулич, например, казался чуть ли не трагедией, а Ленин, «виновник» этого смещения, представлялся узурпатором. С другой стороны, многие выводы этого периода у Троцкого не рациональны, а слишком интуитивны и эмоциональны. Яркое воображение пока не опиралось на глубокое интеллектуальное осмысление.

В трудах Троцкого, как я уже упоминал, сохранилось немало ядовитых, недружественных, хотя по сути верных, высказываний в адрес Ленина. И Троцкого очень злило, что чаще всего Ленин как бы не замечал саркастических филиппик Троцкого в свой адрес, не удостоивая его ответом. Лишь изредка, по ходу полемики, давал Троцкому убийственные характеристики. Его метания между большевиками и меньшевиками, непоследовательность, увлечение красивой фразой, позой получили известную ленинскую оценку в его письмах к И. Арманд.

«Вот так Троцкий!! Всегда равен себе – виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...»{62}

Я приводил выше ряд высказываний Троцкого по адресу Ленина в его ранних статьях и брошюрах. Менее известны его более поздние письма с оценками Ленина. Вот, например, что он писал члену Государственной думы Н.С. Чхеидзе:

Дрянная склока, которую систематически разжигает сих Дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении... Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения...

24 марта 1913 г.

Л. Троцкий

Адрес: Л. Бронштейну, XIX Родлергассе, 25.11, Вена»{63}.

Пожалуй, это самая злая тирада Троцкого в адрес Ленина. Однако она наиболее верна... До 1917 года отношения их были натянутыми. Но стоило Троцкому во время бурных событий того года убедиться в немалой интеллектуальной мощи Ленина, подкрепленной его жесткими действиями в политической и социальной практике, он признал его первенство. До своих последних дней он всегда судил о Ленине как о подлинном вожде и преклонялся перед ним. Это из истории не выбросить, хотя раньше и пытались сделать. С октябрьских дней до ленинской кончины их сотрудничество было тесным, близким, конструктивным. Думаю, Троцкий был не только вторым человеком в русской революции, но и ближе всех к Ленину по радикальности намерений и решимости. Это были главные архитекторы большевистской Системы. Как Троцкий записал 10 апреля 1935 года, вспоминая свои отношения с Владимиром Ильичем, «у нас бывали с Лениным острые столкновения, ибо в тех случаях, когда я расходился с ним по серьезному вопросу, я вел борьбу до конца. Такие случаи, естественно, врезывались в память всех, и о них много говорили и писали впоследствии эпигоны. Но стократно более многочисленны те случаи, когда мы с Лениным понимали друг друга с полуслова, причем наша солидарность обеспечивала прохождение вопроса в Политбюро без трений. Эту солидарность Ленин очень ценил»{64}.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что Троцкий в своих ранних оценках Ленина был близок к истине. Да, Ленин был радикалом, иногда – ярко выраженным. Оценки Троцкого, характеризующие Ленина как жесткого, нетерпимого, безапелляционного человека, во многом верны. Нас приучили видеть все в Ленине только в превосходной степени. Но ведь это далеко не так. Даже не касаясь политических вопросов, а обращаясь лишь к теории, мы видим нигилистическое отношение Ленина к буржуазной общественной мысли вообще. Чего стоят слова Ленина о том, что «ни единому из этих профессоров» в области философии и политэкономии «нельзя верить ни в едином слове»{65}. Ограниченность этого «зряшного отрицания» Ленина подметили давно. Например, Н. Валентинов, один из известных русских социал-демократов, так писал об этой ленинской грани личности: «Теория Маркса, – провозглашал Ленин, – есть объективная истина, а все вне ее – «скудоумие и шарлатанство»{66}. Не нужно доказывать, что такой вывод Ленина абсолютно не соответствует действительности.

По сути, после II съезда РСДРП, а особенно после революции 1905 года и до февраля 1917 года, Троцкий большую часть своей неумной энергии тратил на фракционную борьбу. Он был человеком, умевшим своих друзей превращать во врагов. Но это обстоятельство нередко ставило его в положение, когда огонь по нему велся с обеих сторон. Как писал И. Дейчер, он часто «рвал со своими политическими друзьями, не имея больших шансов прийти к согласию со своими противниками»{67}. Его политические шарахання нередко ставили в тупик и его друзей, которые после очередного зигзага становились бывшими друзьями. Достаточно вспомнить его отношения с Мартовым, Парвусом, Адлером, многими другими. Но это парадокс не только Троцкого, но и его времени.

«Прапорщик Арбузов»

Да, именно с таким паспортом на имя отставного прапорщика Арбузова Троцкий в феврале 1905 года приехал в Киев. Он уже привык, что в своем отечестве его фамилии, партий-

ные клички постоянно меняются: Львов, Яновский, Викентьев, Петр Петрович, Янов, Арбузов... Еще месяц назад он не думал о возвращении, целиком захваченный чтением рефератов, написанием статей, полемикой со вчерашними друзьями, возможностью общения с интереснейшими людьми. Но весть о кровавом воскресенье в Петербурге всколыхнула всю колонию русских революционеров за рубежом. Даже полемика между большевиками и меньшевиками, достигавшая порой неприличных форм, ослабла. Меньшевистская (теперь) «Искра» воевала с ленинской газетой «Вперед». Плеханов, еще совсем недавно солидаризировавшийся с Лениным, в своих ядовитых статьях пытался побольнее уколоть его, будучи уверенным, что политически устраняет «русского якобинца». Но это было до 9 января 1905 года. Сейчас же все с надеждой и тревогой устремили свои мысленные взоры на Восток. Нараставшие события обещали подтвердить или опрокинуть прогнозы соперничающих фракций.

Сразу скажу, что большинство эмигрантов, даже влача довольно жалкое существование, не стремились в Россию, где пролетариат, похоже, был всерьез намерен опрокинуть самодержавные чертоги. Эмиграция «засасывает». Многие привыкают смотреть на события в отечестве «извне». Немало революционеров такая жизнь уже устраивала: наблюдение издалека, аналитические обзоры прошедших стачек, гневные обличения преступлений самодержавия, но... все это взгляд со стороны. И совсем иное отношение к событиям, если находишься в цехах Путиловского, в московских железнодорожных депо, на броненосце «Потемкин», в университетских аудиториях или идешь с Георгием Гапоном к Зимнему дворцу.

Троцкий был в высшей степени деятельной натурой. Его всегда тянуло в эпицентр событий: на диспуте, демонстрации, съезде, на фронте... У большого русского революционера этого отнять нельзя; он был не историческим свидетелем, а активнейшим участником и творцом истории. Поэтому нелегальное возвращение Троцкого в Россию сразу же после январских событий было для него естественным.

Я не хочу анализировать события первой русской революции. Этим занимались много и долго. Мне хотелось лишь коснуться некоторых сторон деятельности Троцкого во время этой репетиции грядущего 1917 года. Тем более что советская историография не скупилась на мрачные краски, когда приходилось упоминать имя члена, а затем – короткое время – и Председателя Петербургского Совета рабочих депутатов. Долгие десятилетия в нашей истории Троцкий «подпадал» под действие древнеримского «Закона об осуждении памяти». Все были обязаны или забыть его, или однозначно осудить.

«Отставной прапорщик» прибыл в Киев в качестве респектабельного, преуспевающего предпринимателя. Выехавшая раньше Н. Седова подыскала квартиру, установила необходимые связи с подпольем, познакомила приехавшего в Киев мужа с молодым инженером Л. Красиным, видным большевиком, которого хорошо знал Ленин. Киевскую остановку Троцкий использовал, по сути, для более детального ознакомления с положением в стране, в социал-демократических организациях и с настроением людей. Красин, стоявший на позициях примиренчества двух фракций, серьезно ему помог. Но Троцкий не только знакомился с ситуацией. Его перо непрерывно работало. Троцкий писал обо всем: о роли стачки в нарастании революции, о двойственной природе либералов, о ренегатстве в марксизме. Например, в материале, посланном в «Искру» и озаглавленном «Нечто о квалифицированных демократах» с подписью-псевдонимом Неофит, Троцкий писал: «Самый вредный тип демократов, это – из бывших марксистов. Главные их черты: непрерывная, точащая и ноющая, как зубная боль, ненависть к социал-демократам. Нашей партии они мстят за свое прошлое или, может быть, за... настоящее... Марксизм их «повредил» – некоторых на всю жизнь. Нравственная связь с пролетариатом и его партией, если и была когда, то порвалась совершенно... Господам квалифицированным демократам придется признать политическую мораль: обмануть можно себя, но не историю»{68}. Так Троцкий разделялся с П. Струве и другими социал-демократами, которые в час решающих испытаний стали искать компромисс с самодержавием.

Перебравшись с помощью Красина в Петербург, Троцкий с головой ушел в революционную работу, участвуя в текущих совещаниях забастовочных комитетов, готовя яркие прокламации, которые расклеивались по городу, распространялись на фабриках и заводах... Но когда на маевке арестовали Седову и возникла угроза и его ареста, Троцкий с квартиры полковника А.А. Литкенса, где он нелегально жил, вынужден был укрыться в Финляндии. За три месяца пребывания в уединенном глухом пансионате «Мир» Троцкий написал десятки статей, листовок, прокламаций, которые пересылались в Петербург. Думаю, что читателю будет небезынтересно ознакомиться с его революционным творчеством того времени.

Когда 1 мая 1905 года демонстрации, несмотря на усилия организаторов стачек и забастовок, пошли на спад, Троцкий обратился к рабочим Петербурга:

«Слушайте, товарищи. Вы уstraшились царских солдат.

Но вы не страшитесь изо дня в день ходить на фабрики и заводы, где машины высасывают вашу кровь и калечат ваше тело.

Вы уstraшились царских солдат. Но вы не страшитесь отдавать ваших братьев в царскую армию, которая гибнет на великом неоплаканном кладбище в Маньчжурии.

Вы уstraшились царских солдат. Но вы не страшитесь жить изо дня в день под властью разбойничьей полиции, казарменных палачей, для которых жизнь рабочего пролетария дешевле, чем жизнь рабочего скота»{69}.

В каждой прокламации Троцкий объяснял, убеждал, обращался, звал, льстил, рисовал перспективу. Вот, например, его обращение к солдатам и матросам русской армии:

«Солдаты! Вы долго не понимали требований народа. Ваши начальники и попы лгали и клеветали вам на народ. Они держали вас во тьме. Они натравливали вас на народ. Они заставляли вас обагрять руки кровью рабочих. Они превратили вас в палачей русского народа. Они обрушили на ваши головы страшные проклятия матерей и детей, жен и старцев...

Солдаты! Наше государство – огромный броненосец. На нем насильничают чиновники царские и стонет измученный народ. Спасение для нас одно: по примеру «Потемкина» выкинуть за борт всю правящую нами шайку и взять управление государством в свои собственные руки. Мы сами направим ход родного броненосца, которому имя Россия!..

Солдаты! При встрече с народом – ружье вверх! Офицеру, который командует залп, – первая пуля! Пусть от руки честного солдата падет палач!»{70}

Когда 14 мая 1905 года русская эскадра под командой вице-адмирала З.П.Рожественского близ острова Цусима приняла бой с японской эскадрой адмирала Х. Того, никто не мог и предположить, сколь страшным будет результат. Царский флот потерпел катастрофическое поражение. Россия была потрясена. Троцкий тут же написал большую прокламацию: «Долой позорную бойню!». Листовка ходила из рук в руки не только в Петербурге, но и во многих городах России. Была она выдержана в таком духе:

«...Флот Рождественского (у Троцкого фамилия Зиновия Петровича дана неправильно. – Д.В.) разрушен без остатка. Погибли почти все суда, убиты, ранены или полонены почти все люди экипажа. Адмиралы ранены или в плену. Нет более эскадры, которая была послана царским правительством, чтобы отомстить Японии за многочисленные поражения. Русского флота не существует. Не японцы уничтожили его. Нет, его погубило царское правительство... Война не нужна всему народу! Она нужна правительственной шайке, которая мечтала о захвате новых земель и хочет народной кровью потушить пламя народного гнева... Долой виновника позорной бойни – царское правительство!»{71}

Троцкий находился под Петербургом и знал, что его искала царская охранка. Но когда разразилась всеобщая октябрьская политическая стачка, Троцкий не выдержал и вернулся в столицу. Революционный подъем наступил вопреки прогнозам большевиков, которые думали, что он произойдет в первую годовщину кровавой бойни у Зимнего дворца, а он произошел на три месяца раньше. Народное творчество силой своего коллективного интеллекта, воли и

чувств создало российский «конвент» – Петербургский Совет рабочих депутатов во главе с Г.С. Хрустальевым-Носарем. Троцкого избрали его заместителем. Авторитет революционного органа стремительно рос. Первое заседание Совета состоялось 13 октября, а 15-го там появился Троцкий и сразу привлек внимание всех членов своей бурной энергией, страстными выступлениями, радикальными предложениями. Молодой энергичный революционер был исключительно собран, деятелен, вездесущ, привлекателен. При участии Троцкого приняли решение издавать газету «Известия» как орган Совета; выдвинули требование о введении 8-часового рабочего дня и о признании нового революционного органа как выразителя интересов трудящихся. В Технологическом институте, где разместился Совет, делегации от различных районов столицы ждали распоряжений, инструкций. Царило приподнятое настроение. В составе Совета был образован Исполком, в котором наряду с представителями других организаций были три большевика, три меньшевика и три эсера. Среди большевиков выделялся Сверчков, у меньшевиков – Троцкий, а из эсеров – Авксентьев. Партийная принадлежность Хрусталева-Носаря не была ярко выражена.

Волны стачки расходились все шире и шире. Самодержавная власть была в растерянности. Но ею был сделан шаг, который как бы затормозил революционный локомотив: 17 октября 1905 года царь издал Манифест, в котором обещал народу конституционные свободы. В ночь с 17 на 18 октября толпы народа вышли на улицы с красными знаменами, требуя смещения ненавистных правителей, широкой амнистии, наказания тех, кто организовал кровавое воскресенье 9 января. Народ увидел в вынужденном акте царя свою победу.

Советская историография всегда смотрела на царский Манифест лишь как на вынужденный и хитрый маневр. Но задумаемся в слова Высочайшего Манифеста.

«...На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемый основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов...

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью Действий поставленных от нас властей...» {72}

Высочайший Манифест, данный «божией милостью, Мы, Николаем Вторым, императором и самодержцем всероссийским, Царем польским, Великим князем финляндским... и прочая, и прочая, и прочая», не был простой бумажкой, как его изображал «Краткий курс истории ВКП(б)». Это был крупный шаг к переходу на рельсы конституционной монархии, а следовательно, движение к буржуазной демократии. Но этот исторический шанс был упущен.

Троцкий, как и большевики, оценил Манифест как полупобеду. Манифест как бы заставил одуматься и либералов, и буржуазию, и значительную часть интеллигенции, которая вначале выступала против абсолютизма, а теперь испугалась «грозящей анархии».

Граф Витте в своем докладе царю так определил истоки и корни очередной русской смуты: «Они – в нарушении равновесия между идейными стремлениями русского мыслящего общества и нынешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы» {73}. Сказано пророчески: «...переросла форму существующего строя...» Граф предложил добиться соответствия «идейных стремлений» и «новой формы» без «репрессивных мер». Как бы мы ни относились к высоким царским сановникам и самодержавному режиму в целом, в виттевской программе отражен многовековой опыт русской государственности.

Витте, которого именно стачка сделала премьером, в своих «Воспоминаниях» позже писал: «17 октября заставило многих опомниться, образовало партии, заговорил патриотизм, чувство собственности, и русская телега начала волочить оглобли направо...» Но реформаторски думали далеко немногие. Верх одержало желание заглушить смуту силой. Тем более что

министр внутренних дел генерал Трепов повелел «устранить беспорядки», а при этом «Патронов не жалеть!». Ленин в Женеве, Совет в Петербурге почувствовали, что пошатнувшееся здание самодержавия устоит; удалось поднять против царизма только город, только рабочих. Правительство по-прежнему имело возможность опереться на огромные, темные массы крестьян, особенно на одетых в солдатские шинели. Русские якобинцы понимали, что не только программу-максимум, заключающуюся в установлении диктатуры пролетариата и подавлении сопротивления эксплуататоров, сейчас не решить, но и не достичь программы-минимум: свержения царизма и образования Временного революционного правительства. Ни у кого из руководителей РСДРП, к слову, не возникали сомнения в исторической правомерности диктатуры пролетариата. Конституционная монархия как наиболее реальный тогда исторический шаг – отвергалась. Русские революционеры были максималистами. Как справедливо писал позже известный русский политический деятель Виктор Чернов: «Дух русской революции, – это знают все, – есть дух максимализма»{74}. Это один из самых дальних истоков будущих потрясений России в XX веке. 17 октября у здания Петербургского университета собралась огромная толпа. С балкона выступали разные ораторы. Большинство расценивало Манифест как большую победу. На революционную трибуну пробился и Троцкий. Его представили как Яновского. Но могли бы назвать и Арбузовым – у Троцкого было два паспорта. С копной черных густых волос, с горящими глазами, прикрытыми стеклами пенсне, Троцкий быстро завладел толпой и бросил вниз едва ли не главные слова в своей речи:

– Граждане! Теперь, когда мы поставили ногу на глотку правящей клике, она обещает нам свободу. Не торопитесь праздновать победу, она еще неполная. Разве вексель стоит столько же, сколько чистое золото? Разве обещание свободы равноценно свободе? Что изменилось со вчерашнего дня? Распахнулись ли двери наших тюрем? Вернулись ли наши братья из дикой Сибири?

Огромная толпа поддерживала слова Троцкого, громко скандируя: «Свободу народу! Амнистию заключенным! Под суд Трепова!»

Троцкий властвовал над толпой, бросая в порох страстей слова-искры, нагнетая возбуждение массы до высокой точки кипения. В заключение своей блестящей речи он выкрикнул еще несколько фраз:

– Граждане! Наша сила в нас. Мы должны защищать свободу с мечом в руках. Царский Манифест всего лишь клочок бумаги... Его нам сегодня дали, а завтра порвут в клочки, как это сделаю я сейчас!

Троцкий помахал направо и налево текстом Манифеста и затем демонстративно порвал его. Клочки бумаги, подхваченные дуновением ветра, понесло в сторону...{75} Масса людей горячо аплодировала новому, пока неизвестному трибуну революции.

Деревня не поддержала рабочих. Да и не было сил ее поднять. Армия осталась верной правительству. У бастующих не было оружия. Либеральная интеллигенция оказалась смертельно напуганной революционным размахом выступления рабочих. Российские социал-демократы хотели невозможного. Троцкий безапелляционно и жестко, но далеко не справедливо «проехался» по интеллектуальному слою российского общества, и в частности по профессуре:

«Мы знаем, что профессора – это самая косная, безличная, на все готовая корпорация русской интеллигенции. Не было той холопской миссии, от которой отказалась бы профессура. За чин и плату они играли роль пуделей казенной науки. Не было той полицейской репрессии, аппаратом которой не были бы профессора»{76}.

Со своей обычной бескомпромиссностью, что в политике нередко ведет к ошибкам, а в революционной атмосфере народного возбуждения, наоборот, производит большое впечатление, Троцкий бичевал обывателей, либералов, казенную профессуру, попутчиков революции. Чего стоят одни лишь названия его тогдашних статей: «Профессора в роли политических дворников», «Профессорская газета клеветает», «Кадетские профессора в роли крестьянских

трибунов» {77}. Революционная волна, вздымая на свой гребень подлинных вождей, срывает с места и обывателя, который, однако, способен лишь на то, чтобы гасить эту волну. «Революция, – писал Троцкий, – оставила его (филистера) без газеты, потушила в его квартире электрическую лампочку и на темной стене начертила огненные письма каких-то новых смутных, но великих целей. Он хотел верить – и не смел. Хотел подняться ввысь – и не мог...» {78}

Война Троцкого с либерализмом была выражением его радикализма, часто явно перехлестывавшего через край. Иногда он доходил до утверждений, что либерализм фактически заслуживает такой же ненависти, как и царизм. Эта черта – недоверие, или даже враждебность к интеллигенции, присущая в дальнейшем многим большевикам, – также один из дальних истоков их трагических заблуждений. В черновом варианте предисловия к книге о первой русской революции (на немецком языке) Троцкий писал: «Автор ни на одну минуту не пытается скрыть от читателя свою ненависть к царской реакции, этому подлому сочетанию азиатского кнута и европейской биржи, или свое презрение к русскому либерализму, самому ничтожному и самому бесхарактерному в мировой галерее политических партий» {79}. Либеральная профессура казалась Троцкому не менее опасной, чем жандармерия... Таково было русское якобинство.

По предложению Троцкого, видевшего, что революционное движение идет на спад, Совет принял решение о прекращении октябрьской стачки. Началась подготовка боевых дружин, в задачу которых входили предотвращение погромов, защита демонстраций, рабочих газет, Совета рабочих депутатов. Троцкий быстро стал играть ведущую роль в Совете, и между ним и Хрусталевым-Носарем возникло внешне невидимое, но сильное соперничество. Председатель Совета, адвокат по профессии, не занимал ясно выраженной политической позиции по многим вопросам. Троцкий позже в газете «Луч» поместил две убийственные заметки о Георгии Носаре, упомянув даже о сообщении буржуазной газеты, что в Париже он арестован за воровство...

«Хрусталева, – писал Троцкий, – светил двойным светом: партии и массы. Но и тот и другой свет был отраженным, т.е. чужим. Собственный рост Хрусталева совершенно не соответствовал ни той внешней роли, которую ему пришлось сыграть, ни – еще менее – той легендарной популярности, какую ему доставила буржуазная пресса...

Личная судьба Георгия Носаря глубоко трагична. История раздавила этого нравственно нестойкого человека, взвалив на него тяготу неволе. Обывательская фантазия создала, при содействии прессы, романтическую фигуру Хрусталева. Георгий Носарь разбил эту фигуру вдребезги и... разбился сам» {80}. Да, как явствует из архивов, Хрусталева-Носаря был в известном смысле «сомнительным» революционером, о чем говорит его поведение на суде, в ссылке, эмиграции, после Октябрьской революции. Жизнь безжалостно сбросила его с гребня революционной волны, но Троцкий, проявляя свою беспощадность к соперникам, не отказал себе в удовольствии нанести неудачнику еще несколько печатных ударов.

В революции Троцкий успевал всюду. Ему удалось изменить направленность меньшевистской газеты «Начало», и она стала отражать интересы рабочих и поддерживать действия Совета. Даже Г. Зиновьев, не питавший, по сути, никогда настоящих симпатий к Троцкому, отметит позже: «Когда «Начало»... попало под их руководство (имеются в виду Троцкий и Парвус. – Д.В.), они придали ему в значительной мере большевистский характер» {81}.

Заявления Троцкого в печати дышали уверенностью, твердостью, решительностью: «... Совет депутатов заявляет: петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно организованному и вооруженному пролетариату» {82}. Троцкий вел себя так, как будто за его плечами был опыт не одной революции... И это очень импонировало рабочим. Популярность молодого революционера стремительно росла.

Пожалуй, здесь уместно сказать, что более чем через три десятилетия после первой русской революции, когда Троцкий находился в изгнании и за ним охотились люди Берии, по указанию Сталина предпринимались попытки опорочить и раннюю революционную деятельность Льва Давидовича. Для этого извлекли из забвения имя Хрусталева-Носаря. Об этом свидетельствует такой документ, обнаруженный мной в архивах. В донесении, адресованном Сталину и Ворошилову и подписанном 28 октября 1938 года Ежовым и Берией (видимо, один из последних, подписанных Ежовым), говорится:

«В НКВД СССР. Бывш. председатель Совета рабочих депутатов в Петербурге в 1905 г. Хрусталев-Носарь издал книгу под наименованием «Из недавнего прошлого», в предисловии которой «Троцкий-Бронштейн назывался агентом царской охранки с 1902 года». Одновременно нам стало известно, что в 1919 году Хрусталев-Носарь был расстрелян в Переславле по прямому приказанию Троцкого, преследовавшего тем самым цель избавиться от свидетеля его сотрудничества с охранкой.

В результате проведенных мероприятий по розыску документов, подтверждающих провокаторскую деятельность Троцкого, в городе Горьком был обнаружен протокол заседания президиума Нижегородского исполкома от 30 марта 1917 года, в котором записано...»

Далее говорится, что «в алфавите «уволенных» агентов – сотрудников бывшего жандармского управления числятся Бронштейн Лейба Давидович, Носарь Георгий Степанович, Луначарский Анатолий Васильевич». Этот документ якобы был направлен А.Ф. Керенскому и в копии В.Л. Бурцеву.

В этой же докладной записке имеется и такая приписка:

«Нами обнаружено сообщение генерал-квартирмейстера генерального штаба царской армии от 30 марта 1917 года за № 8436, адресованное Временному правительству, о том, что военный агент в Северо-Американских Соединенных Штатах телеграфирует: 14 марта из Нью-Йорка отбыл в Россию на пароходе «Христиания-Фиорд» Лев Троцкий. По сообщению английской разведки, Троцкий состоял во главе социалистической пропаганды в Америке в пользу мира, оплачиваемой немцами и лицами, им сочувствующими»{83}.

Однако этот документ, состряпанный Ежовым и Берией, показался Сталину весьма неубедительным, фальшивым и никогда в последующем не использовался против Троцкого. Книгу Носаря обнаружить нигде не удалось. Но известно, что личные неприязненные отношения между ним и Троцким возникли вскоре после их знакомства. Думаю, люди из НКВД использовали то обстоятельство, что большевики серьезно подозревали Хрусталева-Носаря в сотрудничестве с охранкой, и попытались, теперь уже якобы рукой Носаря, втянуть в это дело Троцкого и Луначарского. Архивный и иной анализ дает основание судить о документе Ежова – Берии как о явной грубой фальшивке.

За 52 дня руководства Петросоветом Троцкий сумел проявить себя как лидер и выразитель бескомпромиссного революционного начала. В советское время, при историческом анализе первой русской революции, когда имя Троцкого было предано остракизму, его обвиняли во всех грехах: «внес раскол в рабочее движение», «не опирался на крестьянство», «слабо вел работу в армии» и т.д. Но давно известно, что справиться с обстоятельствами бывает всегда значительно сложнее, чем анализировать и оценивать их. События общественной жизни с их коллизиями, зигзагами, поворотами, драмами и трагедиями не подвержены жесткому программированию. Все ясно бывает лишь потом. А когда нужно принимать решения, часто в самых жестких временных рамках, субъекту выбора некогда все сопоставлять, взвешивать, прикидывать, экспериментировать и тем более думать, что об этом скажут историки через десятки лет. Исторический поток необратим. Упрека заслуживает не столько тот, кто в стремлении достичь высокой цели мог сделать неверный шаг, сколько тот, кто, боясь исторической ответственности, не сделал вообще никакого шага... Вот в этом Троцкого обвинить нельзя. Он ошибался действуя. В последующем русский революционер высоко отзовется о «первом русском

взрыве», который подготовил 1917 год и сформировал «обойму» будущих лидеров. Выступая со статьей «Ползучая революция» (о событиях в Германии) в апреле 1919 года, Троцкий напишет: «Совершив свою Октябрьскую революцию, русский рабочий класс получил от предшествующей эпохи неопенимое наследство в виде централизованной рабочей партии. Хождение народнической интеллигенции в крестьянство, террористическая борьба народовольцев, подпольная агитация первых марксистов, революционные манифестации первых годов текущего столетия, всеобщая октябрьская стачка и баррикады 1905 года, теснейшим образом связанный с подпольем революционный парламентаризм» столыпинской эпохи – все это подготовило многочисленный персонал революционных вождей...» {84}

В конце ноября 1905 года был арестован Хрусталеv-Носарь. На заседании Петербургского Совета избрали президиум из трех человек, куда вошел Троцкий, став практически его председателем, а также Сверчков и Злыднев. Но было ясно, что власти перешли в контрнаступление. Революционный паводок быстро сходил. Одно из последних решений Совета – призыв к народу не платить царскому правительству налоги до тех пор, пока не будут выполнены все экономические и социальные требования трудящихся. То был призыв к «экономическому бойкоту».

3 декабря 1905 года жандармы арестовали весь состав руководства Совета, и в том числе Троцкого. С этого дня начинается еще одна, протяженностью в пятнадцать месяцев, судебная, тюремная и ссыльная эпопея революционера. В воспоминаниях Сверчкова, Войтинского, Гарви, как и в книге Дейчера, описывается последний день работы Совета. Используя эти свидетельства, как и архивные документы, попытаюсь реставрировать заключительные часы революционного органа петербургских рабочих.

...3 декабря открылось очередное заседание русского «конвента» под председательством Троцкого. Он сообщил членам Совета о последних шагах царского правительства, направленных на ужесточение репрессий против революционных выступлений рабочих. Стали обсуждать предложение об объявлении новой всеобщей забастовки, но в этот момент в зал вошли жандармы. Здание, где проходило заседание Совета, было окружено полицией. Заканчивался последний акт драмы. В эту критическую минуту Троцкий проявил высокое самообладание и мужество. Жандармский офицер, грохоча сапогами, вышел на середину зала и стал громко зачитывать ордер об аресте членов Совета. Председатель решительно прервал офицера:

– Не мешайте работе Совета. Если вы хотите выступить, назовите свою фамилию, я спрошу собрание, желают ли они вас слушать!

Жандарм споткнулся, замолчал, озираясь в нерешительности и растерянности. А Троцкий тем временем предоставил слово очередному оратору. Наконец, обратившись вначале к залу, Троцкий предоставил слово офицеру. В гробовой тишине все выслушали краткое содержание ордера об аресте, и Председатель Петросовета спокойным, даже будничным голосом произнес:

– Есть предложение принять к сведению заявление господина жандармского офицера. А теперь покиньте зал заседания Совета рабочих депутатов!

Представитель властей, потоптавшись на месте, в полном замешательстве вышел из зала. Троцкий предложил подготовиться к аресту, уничтожить документы, материалы, которые могут быть использованы властями против Совета, а тем, у кого есть при себе оружие, привести его в негодность. Едва успев кое-что сделать по указаниям Троцкого, члены Совета увидели, как в зал ворвалась целая толпа жандармов. Председатель еще успел громко выкрикнуть, пока не был схвачен:

– Смотрите, как царь исполняет свой октябрьский Манифест! Смотрите!

Поведение Троцкого в первой русской революции, на суде, убедительно говорит, что на сцене истории появилась еще одна выдающаяся личность, для которой революция – высшая

ценность. Важно подчеркнуть, что действия Троцкого были тем более непредсказуемы, решительны и одухотворенны, чем критичнее складывалась обстановка.

Каждая личность исключительно сложна. В одном человеке одновременно могут уживаться возвышенные и низкие мотивы, общественные и личные стремления, разочарования и надежды. Очень хорошо о «многослойности» личности сказал Державин: «я царь – я раб – я червь – я бог!». Но Троцкий, конечно, никогда не считал себя ни «рабом», ни «червем». Он не сомневался в высоком предназначении своей судьбы и в том, что не ошибся в выборе пути. За полгода до смерти он напишет в своем завещании: «Если б мне пришлось начать сначала, я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным» {85}. Троцкий оптимистично воспринял и первое крушение революции. Он верил, что это лишь историческая репетиция.

Заточение в знаменитых «Крестах», Петропавловской крепости, доме предварительного заключения Троцкий максимально использовал для самообразования, написания многочисленных статей и прокламаций. Камера Троцкого, по свидетельству очевидцев, была похожа на кабинет ученого: так много там было книг, журналов, газет. Его навещали два раза в неделю жена, родители, товарищи, оставшиеся на свободе. Из тюрьмы он отправил несколько писем и Соколовской, поддерживая слабую, тонкую связь с первой семьей. Например, 17 мая 1906 года Троцкий написал Александре Львовне:

«Дорогой друг,

Неужели ты не получила моего последнего письма? Я написал его на адрес твоего отца. Письмо я посвятил, главным образом, моему отношению к обеим фракциям (ты меня спрашивала об этом)...

Положение мое все то же. Суд отложен до 19 октября. Сiju я в одиночной камере, прогулка общая часа 3–4 в день...

...Родители привезли мне карточку девочек, – я тебе писал об этом. Девочки превосходны, каждая в своем роде! У Нинушки такое личико – испуганное и вместе с тем лукаво заинтересованное лицо! А у Зинушки такое размышляющее личико! Кто-то тронул рукой карточку у меня в номере, и на личике Зинушки пятно. Если у тебя есть одна свободная карточка, пришли мне, пожалуйста.

Итак, Думу разогнали. Я держал пари, что министерство будет хулиганское, и выиграл...» {86}

Царская тюрьма допускала большие послабления для политических заключенных. Троцкий почти открыто передавал жене написанные в тюремной камере статьи, которые затем печатались в легальных или нелегальных типографиях. Особенно большой резонанс имел памфлет «Петр Струве в политике», в котором автор бичевал либералов как временных попутчиков, а не союзников революции. Но главным трудом этого периода была большая статья «Итоги и перспективы», где Троцкий впервые в достаточно законченном виде изложил свою концепцию перманентной революции. В последующем она была издана отдельной брошюрой, а затем и книгой. Троцкий выдвинул тезис, за который его будут всю жизнь бить: «Завершение социалистической революции в национальных рамках недопустимо... социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете» {87}. Заблуждение или романтизм? А может, озарение утопией? Концепция окончательно выкристаллизовалась позднее. Я еще вернусь к ее анализу, а пока лишь скажу: однозначное традиционно-критическое, пренебрежительное отношение к этой далеко не бесспорной теории едва ли оправданно. Может быть, Троцкий прав хоть в том, что ни одно общество «в одиночку» не может войти в мир цивилизации? Другое дело, что сегодня эта теория выглядит «музейной», но в свое время она аккумулировала революционную мыслительную энергию, раздвигала узкие национальные рамки движения, ставила перед пролетариатом высокие цели.

Троцкий, возможно, раньше многих понял: первая русская революция разбилась о вековые устои самодержавия. Покачнула их, но не опрокинула. Описывая в тюремной камере события, которые как шквал пронесли по Петербургу, Москве, ряду других мест, но не приняли всероссийского размаха, узник считает, что репетиция удалась. Каллиграфический, аккуратный почерк, который легко читать и спустя многие десятилетия: «1905 год открылся событиями, которые положили роковую грань между прошлым и настоящим. Они подвели кровавую черту под эпохой весны, периодом детства политического сознания...»{88} Без детства не бывает зрелости. Троцкий всю свою последующую жизнь очень высоко отзывался о политической школе первой русской революции, позволившей не только ему выйти из «детства».

Троцкий придавал большое значение судебному процессу, тщательно к нему готовился в надежде использовать его в качестве всероссийской трибуны. В фонде Троцкого сохранились черновые наброски речи, в которой он попытался охватить широкий круг вопросов, объяснявших причины неудачи восстания рабочих. Много места в этих записках отведено армии. Почему солдатская масса не поддержала рабочих?

«...В течение 25 дней, – записал Троцкий, – происходили солдатские митинги в Гродно, Ростове, Самаре, Тифлисе, Курске, Харькове, Киеве, Выборге, Риге, Ставрополе, Кавказском, Белгороде... Впереди шел «квалифицированный» солдат: сапер, артиллерист – в большинстве случаев – сын города. Деревенская часть армии, т.е. главная масса, медленнее проникалась новым настроением. Но в конце концов для нас, как и для власти, было ясно, что это лишь вопрос времени»{89}.

Находясь в предварительном заключении, используя слабости режима, подследственные сговорились вести себя вызывающе, больше изобличать существующие порядки, говорить о стремлении Совета к социальной справедливости и заботе об интересах трудящихся. Условились говорить об одном: в действиях Совета не было стремления вооруженным путем изменить существующий строй, ибо 22 марта 1903 года была принята статья 126 Уголовного Уложения, где говорилось:

«Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, наказывается:

каторгою на срок не свыше 8 лет или ссылкой на поселение»{90}.

Было решено, обличая царизм, исключить возможность обвинения подсудимых в использовании «взрывчатых веществ или снарядов». Тем самым можно было попытаться избежать каторги. В своей речи Троцкий постарался, с одной стороны, показать отсутствие конкретного плана восстания у Совета, а с другой – гнилость и антинародность царского правительства. Его выступление, как всегда в моменты подъема, было возвышенным:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.